

2014

ВЫПУСК 11

ЭЛЕКТРОННЫЙ
ЖУРНАЛ

www.discourseanalysis.org

[СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС- АНАЛИЗ]

Институциональные дискурсные практики

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Выпуск 11, 2014

Электронный журнал

Редакционная коллегия:

Кожемякин Евгений Александрович, д.филос.н., зав. кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»

Полонский Андрей Васильевич, д.филол.н., проф. кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью НИУ «БелГУ»

Епанова Юлия Валентиновна, к. культурологии, ст.преп. кафедры теории и истории культуры СамГУ

Синельникова Лара Николаевна, д.филол.н., зав. кафедрой русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (Украина).

Переверзев Егор Викторович, к.филос.н.

Аматов Александр Михайлович, д.филол.н., зав. кафедрой английского языка и методики преподавания НИУ «БелГУ»

Борисов Сергей Николаевич, к.филос.н., зав. кафедрой философии БелГИИК

Оберемко Олег Алексеевич, к.соц.н., с.н.с. Института социологии РАН РФ.

Корбут Андрей Михайлович – н.с. Центра фундаментальной социологии ИГИТИ Высшей школы экономики.

Тягунова Татьяна Васильевна – университет Галле-Виттенберг (Германия).

**Центр коммуникативных и медийных исследований
«Медиаперспектива»**

Белгородского государственного национального исследовательского университета

Контакты:

e.a.kozhemyakin@gmail.com (Кожемякин Е.А.),

egorpereverzev@gmail.com (Переверзев Е.В.).

Интернет-страница журнала: www.discourseanalysis.org

СОДЕРЖАНИЕ

МАРИЯ КОЛТУНОВА КОНТАКТОУСТАНОВЛИВАЮЩИЙ БЛОК В ПЕРВИЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИАЛОГЕ: ЕГО КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА	4
ТАТЬЯНА ОСТРОВСКАЯ ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭЛИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ	11
ВИКТОР КРЫСОВ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: КАКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ИЗУЧАЕТ ЭКОНОМИКА?	21
НАТАЛЬЯ ЧЕРКАШИНА «ЗВЕЗДА КАК РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ»: НЕКОТОРЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ	25
ЕВГЕНИЙ МОСКВИН «ЧИСТАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ»: ДИСКУРСИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ	29
ТАТЬЯНА КРАСИКОВА ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ	50

МАРИЯ КОЛТУНОВА

maria_koltunova@yahoo.com

КОНТАКТООУСТАНАВЛИВАЮЩИЙ БЛОК В ПЕРВИЧНОМ ДЕЛОВОМ ДИАЛОГЕ: ЕГО КОНВЕНЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА

Статья посвящена исследованию одной из актуальнейших проблем конвенционального взаимодействия в рамках установления речевого контакта в первичном деловом диалоге в рамках институционального общения. Предметом исследования стали контактоустанавливающие блоки, представляющую собой контакторазмыкающую интеракцию в первичном деловом офисном диалоге. Объект исследования - устные записи коммерческих переговоров, деловых первичных контактов, которые протекали в офисных условиях официального общения.

Институциональный дискурс отличается высокой степенью конвенционализации и стандартизации речевых средств, используемых в высказываниях. Дискурс деловых переговоров, являясь одной из разновидностей институционального дискурса, обладает особыми статусно-ролевыми, целевыми и структурными характеристиками, выделяющими его в особую коммуникативную разновидность. Его отличает жесткая сценарная основа, которая отвечает целям и задачам делового общения.

М. А. Макаров, рассматривая отличия разговорного дискурса как наименее структурированного от ритуализованного, институционального, выделяет такие свойства последнего, как более жесткая структурализация при максимуме речевых ограничений, фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность контекстом, ограниченное количество глобально определенных целей и др. (Макаров 2003: 176).

М.Ю. Олешков, относит к характерным особенностям институционального дискурса жестко обусловленный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) (Олешков 2010). Стандартизованные модели поведения проявляются в типизации повторяющихся речевых действий и связанных с ними конвенциональных ожиданий. Поэтому организация институционального дискурса предполагает его ролевую и скриптовую природу.

Понятие *скрипта*, введенное Р. Шенком (Шенк, 1977), определило начало нового этапа исследования конвенционального речевого поведения. Р. Абельсон отметил, что скрипт, в отличие от фрейма, соотносится с последовательностью событий и состоит из отдельных сцен (Абельсон, 1981).

«По параметру **сфера общения** представляется возможным разделить лингвокультурные скрипты на скрипты официально-делового и обиходного общения», - пишет исследователь когнитивной модели *скрипта* Н.В. Моторина

(Моторина, 2013: 21).

«Скрипт является механизмом, регулирующим поведение в повседневной жизни, закрепляет и подтверждает коммуникативный статус партнеров, маркируя ситуацию общения и, тем самым, облегчает коммуникативный процесс» (Моторина, 2013: 15).

Помимо когнитивной, сценарий имеет конвенционально-нормативную природу (Романов, 1988). То есть, многократно повторяющийся в профессиональной деятельности порядок речевых действий закрепляется в практике делового общения как нормативная схема взаимодействия в той или иной речевой ситуации.

Определение *скрипта* как сценария и модели коммуникативного поведения, лежащего в рамках конвенциональных ожиданий, возникающих в той или иной ситуации общения в рамках заданного жанра, позволяет выделить регулярно повторяющиеся диалогические единства – прагматически объединенные интеракции, блоки высказываний, объединенных тематически и прагматически.

Скриптовая природа институционального делового диалога предопределяет жесткую схему взаимодействия, выражающуюся в модульном характере сценария. Модули включают ряд интеракций и речевых действий участников диалога. Такая рациональная структура сценария в институциональном общении связана с целым рядом причин, и в первую очередь, с требованием экономии времени. Последнее, в свою очередь, обуславливает использование многочисленных вербальных клише, стандартных фраз, заготовок, имеющих ситуативное закрепление.

М.Ю. Олешков отмечает, что «... специфика институционального вербального взаимодействия дает возможность выделить ряд высказываний жесткой структуры, которые с высокой степенью обязательности используются говорящими в сфере институционального вербального взаимодействия» (Олешков 2009: 798) Такие стандартизированные конструкции на маркшуровне членения диалога в современных исследованиях определяются как *диалогические единства* (ДЕ), *коммуникативные модули*, *коммуникативные блоки*.

«Блок реплик, который представляет собой связанную (тематически и интенционально) последовательность простых или коммуникативно интегративных коммуникативно-прагматических типов высказываний» (Родичева 2004: 12), *интерактивный блок* (Макаров 2003).

Деловой диалог основан на не добровольной, а на установленной конвенциональной основе исполнения коммуникативных ролей, ролевой вовлеченности коммуникативных партнеров. Это лежит в основе закрепляемого сценарного порядка действий и коммуникативных шагов. В этих условиях право на инициацию диалога конвенционально закреплено за лицом, обращающимся в организацию и имеющим на это соответствующие полномочия. Вот потому так важно выяснить в самом начале диалога, какую организацию представляет инициатор общения, его должность, статус и полномочия. Лицо, иницирующее общение в офисе компании, куда он приходит, будем именовать (*клиентом*), а представителя организации, в которой протекает

первичный диалог (*агентом*).

«Перед вступлением в коммуникативное взаимодействие участники общения должны идентифицировать предстоящую коммуникативную ситуацию и самоидентифицироваться в ней, то есть уяснить свою роль, социальную позицию, цели, ожидания партнера по коммуникации, его психологическое состояние, возможные установки в общении ...» - такова общая схема подготовки к интерперсональной коммуникации, описанная И.Н. Борисовой (Борисова, 2001: 110).

В профессиональном деловом общении самоидентификация и, соответственно, самоименование в процедуре представления коммуникативному партнеру становятся профессиональным коммуникативным навыком. В условиях первичного делового диалога такое самоименование двухкомпонентно по своей структуре. Инициатор общения, помимо имени и фамилии, сообщает название организации, которую он представляет и свой социальный статус (служебное положение в организации). При этом по имени и фамилии инициатор общения может не представляться.

Название организации, которую представляет клиент, является дополнительным идентификатором для установления истинной причины обращения, установления степени важности клиента для организации, для определения корректности адресации. Одно дело, если клиент представляет партнерскую организацию, с которой уже налажены контакты и отработана схема взаимодействия, и другое дело, если клиент представляет компанию, о которой есть информация, полученная из официальных каналов. В первичном деловом диалоге знания коммуникативных партнеров друг о друге отсутствуют, поэтому полное, конвенционально закрепленное самоименование может быть только двухкомпонентным.

Учет фактора первичности делового диалога между потенциальными партнерами выражается в особой организации начальной интеракции, ее строгом этикетном и конвенционально-прагматическом характере.

Профессиональные диалоги делятся на первичные, которые представляют общение незнакомых лично людей, и последующие, протекающие в режиме рабочего общения знакомых людей. Первые, согласно этикетным правилам, предполагают выполнение процедур представления: самоименования, названия организации или компании, которую представляет инициатор общения, цели визита. Все это в совокупности включается в **контактоустанавливающий блок**.

Контактоустанавливающий блок (КБ), структурно представляющий собой диалогическое единство, открывающее общение и координирующее действия коммуникативных партнеров. В рамках КБ реализуется важнейшая задача социально-дейктической ориентации коммуникативного партнера - установления и подтверждения коммуникативного и социального статуса инициатора общения. Прагматически эта информация очень важна для принятия адресатом решения о точности адресации, о целесообразности продолжения диалога с данным коммуникативным партнером, о перспективах общения с данным коммуникативным партнером. Для достижения практических целей,

лежащих в рамках жанра делового диалога (определение параметров сделки, заключение сделки, урегулирование конфликтной ситуации, внесение изменений в документ и т. д.) важно установить статус клиента, организацию, которую он представляет и цель визита, что находит свое отражение в конвенционально закрепленной структуре иницирующей реплики, открывающей диалог. Статусная информация относится к важнейшей социально-действительной информации, организующей институциональный дискурс. Это, в свою очередь, определяет требование полноты и объективности такой информации в деловом профессиональном общении.

Как правило, КБ состоит из иницирующей реплики стандартного содержания и ответных уточняющих или реактивных реплик (предложения к обсуждению вопроса, переадресации).

Понятие *реплики* используем в значении: «Все, что сказано и сделано между менами коммуникативных ролей (turnes)» (Goodwin, 1981).

Иницирующая реплика стандартно включает в себя:

- а) приветствие;
- б) представление клиента, состоящее из двух компонентов: название компании или организации, которую он представляет, и статуса (внутриорганизационного, юридического) клиента;
- г) ориентация *агента* в перспективах и цели визита, вопроса, который подлежит обсуждению.

Это три важнейших компонента иницирующей реплики, позволяют адресату (*агенту*) определить точность и целесообразность обращения клиента и оценить перспективу диалога, его результативность.

Таким образом, структура КБ отражает конвенциональные ожидания, закрепленные в нормативной модели начала первичного диалога. В данной стандартизированной модели иницирующей общении совершает сразу несколько речевых действий этикетного характера - от приветствия до вербализации коммуникативной и практической цели (*я хотел обсудить..., я хотел получить информацию..., мне нужно подписать... и т.д.*), включая представление организации и своей должности. При этом коммуникативное единство многоходовой иницирующей реплики обусловлено прагматически. После получения и учета информации, нормативно включаемой в иницирующую реплику, можно рационально выстраивать деловой диалог.

При этом корректное коммуникативное поведение инициатора делового общения предполагает уточнение адресата, если возникают сомнения в правильности обращения:

(А. – агент; Б. – клиент)

А. - Здравствуйте.

Б. - Здравствуйте. Это отдел народного образования?// Я правильно попал?

А. - Да, а вы по какому вопросу?

Основой конвенциональных ожиданий в рамках институционального делового дискурса является взаимная ориентация коммуникантов в целях и намерениях, а также в статусных полномочиях, ибо институциональное деловое

общение имеет статусный характер по своей природе. Поэтому самоименование включает название должности лица, инициирующего диалог, то есть является **двухкомпонентным**. Нормативно, в соответствии с конвенциональными ожиданиями адресата в инициирующую реплику должны быть включены все три компонента:

(А. – клиент; Б – агент)

А. - *Добрый день // Девушка / я из издательства «Знак»/ менеджер по снабжению// Мне бы хотелось решить вопросы по поставке бумаги.*

Б. - *Добрый день / присаживайтесь / сейчас посмотрим.*

Из приведенного примера видно, что представление коммуникативному партнеру включено в инициирующую реплику контактоустанавливающий блока, в форме **двухкомпонентного самоименования**. Помимо приветствия, обращения и двухкомпонентного самоименования клиента, в инициирующую реплику включено метадискурсное высказывание, сигнализирующее о коммуникативных намерениях говорящего (*Мне бы хотелось решить вопросы по поставке бумаги*).

Если конвенциональная структура инициирующей реплики нарушена, например, одна из частей самоименования клиента в первичном деловом диалоге будет отсутствовать, со стороны адресата речи возникают закономерные вопросы:

- *А вы откуда?*

- *А с кем я разговариваю? (или в виде просьбы: Представьтесь, пожалуйста).*

- *А вы по какому вопросу?*

Приведенный ниже КБ иллюстрирует это:

(А – клиент; Б – агент)

А. - *Девушка, я из Рембытстроя / по заявке.*

Б. - **Вы мастер?**

А. - **Бригадир**/ мы договор с вами заключали на обслуживание.

Б. - *Хорошо, сейчас посмотрю.*

В приведенном отрывке видно, что самоименование было однокомпонентным, что нарушает конвенциональные ожидания. Второй компонент (*Бригадир*), включающий указание на должность, прозвучал после уточняющего вопроса: - *Вы мастер?*

Двухкомпонентность самоименования, таким образом, задана конвенционально. Она связана с конвенциональными ожиданиями коммуникативного партнера в получении прагматически значимой полной информации (какую компанию представляет клиент и какую должность он занимает). В совокупности с вербализацией коммуникативной цели эта информация позволяет координировать действия коммуникантов, определяет развертывание диалога, влияет на его структуру. Именно конвенциональное по своей природе двухкомпонентное самоименование наряду с эксплицированным коммуникативным намерением позволяет отсечь непродуктивное общение или перенаправить *клиента* к другому лицу для решения вопроса, с которым он обращается в компанию или организацию.

(А – клиент; Б – агент)

А. - Девушка /здравствуйте/ я вот насчет договоров / из издательства/ Степанов моя фамилия/

Б. - Я поняла / но Наума Яковлевича сейчас нет.

А. - А вы не возьмете?

Б. - Нет// вот только Наум Яковлевич... // Только он один...

(перенаправление адресанта для решения вопроса к начальству связано с несоответствующим для решения вопроса служебным статусом самого адресата)

Контактоустанавливающие речевые средства в институциональном деловом дискурсе выполняют важную прагматическую роль. Они ориентируют адресата речи в коммуникативных намерениях адресанта, его социальном статусе, помогают адресату определить их значимость, верифицируют точность адресации. Блоковый характер подачи информации отвечает специфике делового дискурса и задачам общения. Они позволяют экономить речевые средства, динамизируя тем самым развитие диалога:

(А. – клиент; Б – агент)

А. - Здравствуйте / я из компании «Эко» / отдел закупок / мы закупаем у вас обычно профиль / листовый и направляющие/ по спецификации .

Б. – Какая компания?// Сейчас уточню.

В состав двухкомпонентного самоименования, помимо названия организации и указания организационного статуса или юридического статуса адресанта, иногда включаются элементы верификации (номера телефонов, указание на юридический адрес или указание на организационный статус адресанта- «юридический представитель компании», реже – «коммерческий агент»).

(А – клиент; Б – агент)

А. - Здравствуйте / я коммерческий директор оптовой компании «Сок». Мы тут рядом с вами располагаемся. Мне бы хотелось поговорить об аренде торговых боксов на вашей площади.

Б. - Здравствуйте / вы нам звонили вчера?// Вот мы вам подготовили расценки по площади и услугам / там охрана / уборка / и проект договора / типового.

(корректная коммуникативная ориентация в коммуникативных намерениях адресата речи и конвенционально оформленное двухкомпонентное самоименование динамизируют коммуникационный обмен и формируют продуктивную модель коммуникативного взаимодействия)

Причиной коммуникативных неудач в деловом диалогическом общении часто является отступление от конвенциональных правил и моделей коммуникационного взаимодействия. Это вызывает дезориентацию коммуникативного партнера, недопонимание или неверное понимание его коммуникативного намерения.

Конвенциональная природа КБ проявляется и в том, что знание подобных моделей включено в коммуникативные профессиональные навыки менеджера. Понятие коммуникативной компетентности участников делового общения опирается на владение социально-коммуникативными ролями и конвенциональными нормами делового общения..

Список литературы:

- Бейлинсон А.С.* Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского лингвистического университета. №3., 2009. – С. 142-147.
- Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.
- Демьянков В.З.* Теория прототипов в семантике и прагматике языка. http://www.infolex.ru/Prot.html#_Тoc32159109.
- Карасик В.П.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис., 2004.
- Макаров М. А.* Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
- Моторина Н. В.* Лингвокультурные скрипты традиционного коммуникативного поведения в России и Англии.: дисс. ... канд.филол. наук/ Моторина Н. В. – Волгоград, 2013, 184 с.
- Олешков М.Ю.* Дискурсивные формулы как фактор когерентности устного дидактического текста // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сборник статей / отв. ред. М.В.Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009 (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 11). – С. 796-800.
- Олешков М.Ю.* Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – 496 с. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2). С. 49-59.
- Родичева А. А.* Речевое общение на основе коммуникативных ходов. .: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Родичева. – Череповец, 2004. – 181 с.
- Романов А. А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988.
- Abelson, R. Abelson R.P.* Psychological status of script concept / R. Abelson // American Psychologist. 1981. V. 36. P. 715–729.
- Bergelson M.B.* Russian cultural values and workplace communication styles// http://russcomm.ru/eng/rca_biblio/b/bergelson03_eng.shtml.
- Goodwin C.* Conversational organisation: Interaction between Speakers and Hearers. – NY, 1981.
- Ray Kumar.* Basic business communication. – New Delhi., 2010. - 577 p.
- Robert de Beaugrande.* The Story of Discourse Analysis // <http://www.beaugrande.com/StoryDiscAnal.htm>
- Schank R.C., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale (N.J.), 1977. – 248 p.

Мария Викторовна Колтунова – доктор филологических наук, профессор Высшей школы приватизации и предпринимательства, преподаватель программ МВА, г. Самара.

ТАТЬЯНА ОСТРОВСКАЯ

ostrovskaja.t@mail.ru

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЭЛИТАРНОЙ ЛИЧНОСТИ: ПРИЗНАКИ И ФУНКЦИИ

Одним из основных объектов активных исследований в лингвистике, в силу перемещения интереса исследований в антропоцентрическую парадигму, является языковая личность. Языковая личность как объект лингвистического изучения представляет собой собирательный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных особенностей, поведенческих реакций и паттернов, знаний, установок, определенного набора ценностей. В структуре языковой личности особое место отводится ценностям, которые представляются наиболее значимыми характеристиками культуры, определяющими поведение человека. Ценности общества, являясь сгустками смыслов, т.е. концептами, проникают во все сферы жизни и деятельности социума, играют главную роль в культуре. Ценностный вектор - это направление развития и формирования любой этнической культура.

В последние годы назрела необходимость выхода за пределы языковой системы, «языка в себе и для себя», она осознана современной лингвистикой и утверждена исследовательской практикой во многом благодаря многочисленным изысканиям в области дискурса.

В.И. Шаховский отмечает, что дискурс даёт возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Языковая личность проявляет себя в дискурсивных действиях. В дискурсе она выявляет свои этнические, профессиональные, возрастные, половые признаки. Именно в дискурсе личность может обнаружить важное для организации общения эмоциональное состояние (Шаховский, 1998).

Модификации дискурсивных практик элиты в эпоху «текущей современности», концептосферу дискурса элиты, сформированную дискурсообразующими концептами элиты, виды обратной связи, способы манипулирования элиты массами еще предстоит изучить с помощью дискурс-анализа.

При исследовании дискурсивных практик элитарной личности обычно рассматриваются ее вербальные знаки и невербальные знаки. Тем временем немаловажная сторона дискурсивной элитарной личности остается незамеченной – это поведенческие модели (паттерны) личности выраженные в концепте «поведение человека», т.е. актуализации поступка, поведенческой модели.

Первые подходы к дискурсу как к поступку мы встречаем у Бахтина:

«Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т. п.)» (Бахтин, 1986:10), что, по сути есть дискурсивная практика – т.е. производство текста (по Бахтину) (см. прим. 1) и его потребление.

Интерес к расширенному пониманию языка лежит в основе учения бихевиоризма, разработанного американским лингвистом Леонардом Блумфилдом, идеи которого он позаимствовал из психологии. Впервые новые идеи были опубликованы в краткой программной статье «A Set of Postulates for the Science of Language», опубликованной в журнале «Language» в 1926 году. Бихевиоризм представляет собой систему взглядов на сущность и функции языка, в основе которого лежит понимание поведения человека как совокупности двигательных и сводимых к ним вербальных и эмоциональных реакций организма на стимулы внешней среды (непосредственных и опосредованных) и отрицание сознания как предмета психологического исследования. Л. Блумфилд перенес из психологии основные понятия бихевиоризма. Язык - это особая форма поведения человека. Язык - это реакция человека на различные внешние, в том числе и социальные вызовы, это поведение человека в условиях этих вызовов.

В отечественной лингвистике существует ряд работ, посвященных исследованию концепта «поведение человека» (Дамман 2012; Чесноков 2009; Кравцов 2008), что свидетельствует об интересе к рассматриваемой теме.

Известно, что дискурс формируется набором дискурсообразующих концептов (см. прим. 2). С другой стороны, сам концепт не может существовать вне определенного дискурса. Если рассматривать дискурс как сценарный план коммуникации, а дискурс-анализ как реконструкцию сценарного плана, логичным представляется введение термина *поведенческий дискурс* личности (в данной статье – элитарной личности) как модели, интегрирующей в себе комплекс набора компетенций, позволяющих личности реализовывать себя в сложном социально-культурном контексте, включающей вербальные и невербальные характеристики. Поведенческий дискурс реализуется уже не языковой, но дискурсивной личностью, при этом поведенческий дискурс – это расширенный дискурс, дополненный характеристиками устойчивых поведенческих моделей определенной дискурсивной личности, поскольку некоторые характеристики дискурсивной личности, такие, например, как «достоинство», «самоуважение» и др. проявляются не столько в лингвистической составляющей дискурса или в кинесике данной коммуникативной ситуации, а имеет более широкий и глубокий объем дискурса, который представляет собой реализацию глубинных поведенческих моделей. В этой связи мы предлагаем дополнить трехмерную модель дискурса, предложенную Н. Ферклоу, таким компонентом как поведенческие паттерны, которые является понятием, имманентно присутствующим при реализации как дискурсивных, так и социальных практик (см. табл.1).

Табл.1

Данная модель применима, главным образом, при определении характеристик дискурсивной личности – элитарной, гендерной, политической, маргинальной и т.п.

Общая характеристика поведенческого дискурса элитарной личности

Для развития теории дискурса и критического анализа большую роль играет взаимосвязь "язык - общество", в частности, в рамках настоящего исследования, «язык – элита». Однако данная проблема остается недостаточно разработанной, именно на ней завязаны основные трудности многих исследований (Fairclough, Wodak 1997; van Dijk 2003, 2005; Wodak 2001; Weiss, Wodak 2003; Chilton, 2004).

Применительно к контексту разных социальных институтов или макросоциальных функций (искусство, религия, спорт, наука, политика) в современной лингвистике выделяют множество типов дискурса. Ученые-лингвисты считают дискурс комплексным явлением, при анализе которого рассматриваются не только уровни языка, но и социальные характеристики, включая оценочную информацию, личностные характеристики, типы социокультурных ситуаций, а также не только вербальные (лингвистические), но и невербальные параметры дискурса.

По этой причине логичным кажется выделение конститутивных признаков и функций *поведенческого дискурса* элиты. Разнообразие методологических подходов к исследованию поведенческого дискурса элиты свидетельствуют о структурной сложности и содержательной глубине исследуемого дискурса.

Термины «поведенческий дискурс элиты» и «поведенческий дискурс элитарной личности» здесь употребляются как синонимы, при этом первое

определение – более широкое, включающее в себя описание поведенческих паттернов макросоциальной группы элиты. Под элитой понимаются индивиды, «которые обладают такими качествами, как высокая вариативность поведения, высокая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации, социально значимым характером установки» (Васильева 2011:8). Дискурсивное пространство элитарной личности как представителя социального института образуется под влиянием дисциплинирующей силы внешних факторов. Эти факторы влияют на личность и контролируют все ее стороны жизни, как через языковые средства воздействия, так и через другие механизмы, например, через моду, средства массовой информации и др.), в чем и проявляется воздействующие функции каждого типа дискурса. Само понятие дискурсивного пространства выходит далеко за пределы понятия текста в его классическом понимании. Поскольку создание и восприятие текста ситуативно обусловлено, экстралингвистические факторы рассматриваются как элементы более широкого дискурсивного контекста. Такой контекст обладает широким набором экстралингвистических параметров и признаков – это социальное пространство и эпоха, арсенал субкультуры элиты, рекрутизация понятий из других субкультур, модификация поведенческих паттернов элиты и пр.

Рассмотрение дискурса через поведенческие модели, т.е. исследование поведенческого дискурса элиты, предполагает знание «сценической площадки» (со всеми присущими ей чертами и оснащением), на которой разворачивается действие, декораций, на фоне которых происходят события, текста, который произносят актеры, скрытых мотивов их поступков – типичных для данной конкретной эпохи или диссонирующих, выходящих за рамки привычных социальных паттернов. Продолжая «сценическую» метафору можно отметить, что ожидания аудитории оправдываются как благодаря произносимым актерами текстам, декорациям, костюмам, позам и интонациям актеров, так и тем, насколько логична взаимосвязь вербальных и невербальных элементов разворачивающегося действия.

Определение и конститутивные признаки поведенческого дискурса элиты

Поведенческий дискурс элитарной личности понимается как развернутое во времени речевое произведение, в котором проявляется совокупность его словесной (вербальной) и невербальной составляющих. Это своеобразный вербальный способ передачи социального символизма, в нем воспроизводятся социально-релевантные образы структурируемой действительности в рамках социального интеракционализма.

Поведенческий дискурс элиты, как и любой другой социальной группы, является *средством хранения, передачи и регуляции знаний* при формировании *локальных поведенческих дискурсивных практик*, которые интегрированы во все социокультурные институты, т.к. в каждом из них есть своя элита.

Поведенческий дискурс элиты представляет собой и *комплекс дисциплинарных практик* [Фуко 1999: 233], проявляющихся как эффект властных

отношений, которые образуют интеллектуально-ценностный фон, конституирующий определенные знания, действия, ценности и поведенческие модели элитарной личности, причем часто этой личностью не осознаваемые. Это означает, что поведенческий дискурс элитарной личности ориентирован на создание такой модели личности, социального и культурного субъекта, которая отвечала бы базовым ценностям элиты, определяемым через совокупность концептов, формирующим дискурс элиты. Например:

There is a price to be paid for membership in the most exclusive family in the world. [...] Upon joining, newcomers must surrender themselves to the protocol and habits already established. Old friends and old ways must be discarded, at least publicly. [...] Spontaneity is frowned upon except in the most carefully prearranged circumstances, like a visit to a children's hospital where Diana is expected to "spontaneously" embrace a child. (Seward 1997: 14).
Приходится платить определенную цену за то, чтобы стать членом самой привилегированной семьи в мире. Новый член семьи должен следовать требованиям протокола и не нарушать установленных правил. Он должен избавиться от старых друзей и от прежних привычек, по крайней мере, на публике. Всякое проявление импульсивности осуждается, если только это не тщательно срежиссированный «порыв», как в случае посещения Дианой детской больницы, когда она обняла ребенка (Пер. наш. Т.О.)

Лексические единицы служат средствами актуализации дискурсообразующих концептов, в дискурсивном пространстве они дополняются невербальными, поведенческими аспектами. Поведенческий дискурс элиты характеризуется *высокой степенью концептуальности* и является доменом для множества лингвокультурных концептов: для исследования его семиотики важно выявить дискурсообразующий потенциал базовых и периферийных концептов. К ним можно отнести:

- концепт избранности;
- концепт власти;
- концепт публичности;
- концепт социальной значимости;
- концепт привилегии;
- концепт политического влияния;
- концепт компетентности;
- концепт профессионализма;
- концепт ответственности;
- концепт успеха;
- концепт материального благосостояния (деньги);
- концепт нравственности и сохранения традиций;
- концепт целеустремленности;
- концепт космополитизма;
- концепт цинизма;
- концепт люмпенизации;
- концепт рациональности;
- концепт снобизма;
- концепт харизматичности;
- концепт консумеризма;

- концепт интеллигентности;
- концепт свободы (Островская 2012: 95).

Каждый из концептов способен образовывать субдискурсы, которые в свою очередь формируют порядок дискурса. Их борьба за гегемонию приводит к временным ситуациям доминирования определенных дискурсов, т.е. в определенном месте в определенное время модификация дискурсивных практик приводят к формированию некой новой конфигурации дискурса элиты (см. прим 3).

Лингвокультурное пространство поведенческого дискурса элиты можно представить в виде схемы, причем центральное место займет базовый концепт «элитарная личность», поскольку реализация всех вышеперечисленных концептов возможна только через поступки, действия (т.е. поведение) элитарной личности. Концепт «элитарная личность», безусловно, является ядерным для всех субдискурсов элиты, его актуализация происходит как через вербальные и невербальные знаки, так и через социальные, некоммуникативные знаки.

Некоммуникативные (социальные) знаки дискурса элиты

Поведенческие паттерны, т.е. модели некоммуникативного поведения представляют собой сложные знаковые системы, основанные на социальных моделях мировосприятия. С одной стороны это многослойные образования со всеми признаками знака, с другой стороны, это структуры, которые, в силу того, что воспринимаются комплексно всеми органами восприятия, трудно поддаются строгому структурному анализу, но представляют собой интересный материал для дискурсивного исследования. Особенностью материала для такого дискурсивного исследования являются достаточно большие текстовые фрагменты, поскольку только в значительном дискурсивном пространстве можно выделить некоммуникативные социальные знаки поведенческого дискурса.

Дискурсивная элитарная личность рассматривается в русле поведенческого дискурса, т.е. мы рассматриваем ее как личность, совершающую поступки, *характерные* для элитарной личности. Эти поступки отражаются как в производстве и потреблении текстов, так и через фоновые знания, т.е. через «прозрачные» или «непрозрачные» поведенческие модели (речевые и социальные) (Ср.: дискурс – это текст, погруженный в жизненное (социальное) пространство). Необходимость рассмотрения семиотики элитарной личности в дискурсивном пространстве, в частности, в поведенческом дискурсе, обусловлена тем фактом, что некоторые дискурсообразующие концепты, например, *достоинство, честь, джентльменство* и пр., характерные для определенной макросоциальной группы, актуализируются в большей степени благодаря проявлению определенных поведенческих (невербальных) паттернов, нежели через вербальное поведение, в чем и выражается *семиотичность* поведенческого дискурса элиты.

С точки зрения семиотики поведенческий дискурс элиты представляет

своеобразную знаковую систему, в которой происходит изменение семантики разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий в совокупности с невербальными моделями поведения, включая кинесику и другие поведенческие реакции в рамках символического интеракционализма. Например:

В каждом обществе есть своя символика для того, чтобы отличить элиту от простого смертного. В [...] африканском племени это может быть ожерелье из зубов убитых зверей (или врагов из другого племени) В странах типа Узбекистана или Таджикистана это количество золотых зубов во рту, причем это не означает, что элитарен тот, у кого раньше других зубы выпали. Для обозначения своей элитарности вырываются здоровые зубы, чтобы заполнить рот золотом. У «новых русских» мера элитарности определяется толщиной золотых цепур (Розанова: <http>).

В процессе развития дискурсивных практик происходит их модификация, в чем и заключается *репродуктивный характер* деятельности (поведения) субъекта дискурса. Основным стремлением субъекта, в данном случае элитарной личности, является, с одной стороны, введение инноваций, которые появляются благодаря пониманию своей социальной роли внутри сообщества (элиты) и наличию индивидуальных особенностей, с другой стороны – стремление поддержать существующие социальные паттерны. Эти противоположно направленные процессы в совокупности формируют поведенческий дискурс элитарной личности на макросоциологическом уровне, в чем и состоит *социокультурная функция поведенческого дискурса*. Для модифицированной элиты нового тысячелетия характерны черты, которые появились благодаря возникновению и широкому распространению новых технологий и компактных мобильных устройств, вследствие чего возникают новые «социальные матрицы дискурса» (термин Нормана Ферклоу), при которых «привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделёнными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами – своим народом, своими близкими...» (Аттали, 1993:18).

На закрепление социальных паттернов элиты, передачу культурных и институциональных ценностей в условиях борьбы дискурсов за гегемонию, каждый из которых является носителем иных субкультур, влияют средства массовой информации (См.: Чудинов, Будаев 2006: 167), следовательно, можно утверждать, что СМИ являются средством *пролиферации поведенческого дискурса элиты*. Культура слова в символическом пространстве культуры вытесняется визуальной или видеокультурой. Источником культурной информации в эпоху медиакратии становятся экранные СМИ. Перед экранами кино и ТВ, мониторами компьютеров люди проводят значительную часть своего жизненного времени. Основная экранная продукция – картинки, анимационные, виртуальные образы. «Картинка» в соединении с озвучкой, как известно, обладает большей суггестивной силой, чем вербальные знаки. Символическое поле значений и смыслов, (*добавим: и поведенческих моделей*)

формируемое с помощью экранной картинки, постоянно расширяется, вытесняет на периферию массовой культуры рациональные компоненты (Русакова, Русаков [http](http://)).

Онтологичность поведенческого дискурса элиты состоит в том, что элиты вечны и, пока существует человечество, будут существовать и элиты, а на место исчезнувшей заступает новая, которая не всегда лучше старой. Поведенческий дискурс элиты включает в себя такие ключевые категории, как избранность; принадлежность к власти; публичность; сохранение традиций; харизматичность; наличие политического влияния, социальной значимости, привилегий, профессионализма, ответственности.

В совокупности они образуют категорийно-понятийное поле, ядром которого является «элитарная личность».

Конвенциональность поведенческого дискурса элиты проявляется в различных семантических формах: вербальных – клише, идиомы, прецедентные тексты, метафоры (См.: Чудинов 2008: 86-93), сленгизмы и пр., невербальных – кинесика, поведенческие реакции, мир вещей и пр. Например:

На планете «Кин-дза-дза» в фильме Данелии наиболее элитные слои определялись по цвету штанов: кто носит желтые штаны, перед тем положено присесть два раза с приветствием «ку», красные штаны - три раза «ку». «А как у вас на Земле определяют перед кем надо три раза присесть?» - спрашивает инопланетянин. «А, так это на глазок», - отвечает землянин. «Ну вы там и дикари!» - констатирует житель планеты Кин-дза-дза. В общем, да, дикари. Разве что кроме военных, у которых все четко прописано на погонах, так что когда встречаются двое людей в военных формах, они, обычно здороваясь, смотрят не в глаза, а на плечи (Розанова: [http](http://)).

Институциональность поведенческого дискурса элиты является его неотъемлемой характеристикой, т.к. субъектами дискурса элиты являются представители различных институтов: элиты по происхождению, меритократической элиты (творческой, культурной, политической, национальной, спортивной, религиозной и др.). Институты, по мнению Талкотта Парсонса, это «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного или запрещенного поведения в социальных отношениях людей, в их взаимоотношениях друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» (Parsons 1960: 177).

Идеологичность поведенческого дискурса элиты основывается на традиционной связи элиты и власти. Это система социальных взглядов, коллективно-групповых знаний, верований, основанная на групповых ценностях, нормах, интересах. Дискурс идеологичности позволяет осуществлять поиски истинного смысла, предзаданности соответствия неких явлений четко определяемым целям субъекта деятельности не только в рамках речевых коммуникаций, но и практически во всех типах коммуникативных практик, в том числе и поведенческих паттернах элиты.

Именно дискурс идеологичности делает абсолютно очевидным, понятным действительный смысл предназначения президентской речи, любого рекламного ролика, величественного офиса или PR-акции дарения игрушек детскому дому во время предвыборной кампании, позволяет осуществлять

рационально-логическую операцию кодирования и декодирования этого имманентного смысла (Арапова 2007:121).

Интертекстуальность поведенческого дискурса элиты выражается в его свойстве воспроизводить паттерны как вербального, так и невербального поведения в рамках выражения определенной идеологии, социокультурных установок, ценностей, норм. Классическое определение понятия интертекстуальность и «интертекст» дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. — все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» (Барт: <http://>). Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано, а новое возможно только по принципу калейдоскопа: смешение определенных элементов дает новые комбинации. По образному выражению У. Эко, все мы карлики, стоящие на плечах великанов.

Прагматический аспект поведенческого дискурса элиты заключается в его функциях, главными из которых являются социальная солидарность, поддержание и сохранение системы ценностей, рекрутизация элиты, функция социального контроля.

Неоднозначность и многосторонность подходов к определению доминирующих функций поведенческого дискурса элиты отражает его полипарадигматичность и сложность как общественного феномена.

Список литературы:

- Арапова М.А. Дискурс идеологичности, или теоретико-методологические основания социологического анализа идеологических процессов / Известия Уральского государственного ун-та. 2007. № 51. С. 117— 129.
- Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали – М.: Международные отношения, 1993. – 30 с.
- Барт Р. Мифологии [Электронный ресурс] / Р.Барт. Мифологии. – Режим доступа: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/bart/2/.
- Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философии анализа. Литературно-критические статьи. М, 1986
- Васильева А. Н. Теория элит: социология политики. - М.: Социум, 2011. – 208с.
- Островская Т.А. Взаимодействие концептов и дискурса в исследовании дискурса элиты / Т.А. Островская // Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы док. V Юбилейной междунар. науч. конф. (Минск, 6-8 дек.2012г.) – Минск, 2012. –

С. 93-98.

Розанова М. Ellita об элите [Электронный ресурс] / М.Розанова// Журнал “ Elle”. – Режим доступа:[http:// revykin.com/rozanova/09.htm](http://revykin.com/rozanova/09.htm)

Фуко Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко – М.: Изд. «Ad Marginem», 1999. – 479 с.

Русакова О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-Методологический Анализ. - Режим доступа: <http://gendocs.ru>.

Чудинов А. П. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 45. – С. 167-175.

Чудинов А. П. Российская политическая метафора в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Вып. 1(24). – Екатеринбург, 2008. – С. 86-93.

Шаховский В. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации / В. Шаховский // Филол.науки. – 1998. – № 2. – С. 43 – 47;

Parsons T. Structure and Process in Modern Societies (A Collection of Essays). – Glencoe (Ill.), 1960.- P.177.

Seward Ingrid. Diana. An Intimate Portrait. Contemporary Books. – Chicago (Ill.), 1997, 244 p.

Примечания:

1. За каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность) (Бахтин, 1986:3).
2. Некоторые положения статьи первоначально публиковались в журнале Политическая лингвистика, №4, 2013 г.
3. Так, например, для современной элитарной личности в русском дискурсе элиты одним из базовых концептов является «люмпенизация».

Татьяна Александровна Островская - кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Адыгейского государственного университета, ostrovska.t@mail.ru

ВИКТОР КРЫСОВ

geography2004@yandex.ru**РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ:
КАКУЮ РЕАЛЬНОСТЬ ИЗУЧАЕТ ЭКОНОМИКА¹**

«Реальность – вещь весьма субъективная. Я могу определить её только как своего рода постепенное накопление сведений и как специализацию. <...> Можно, так сказать, подбираться к реальности всё ближе и ближе, но всё будет недостаточно близко, потому что реальность – это бесконечная последовательность ступеней, уровней восприятия, двойных доньшек, и потому она неиссякаема и непостижима».

Набоков В.В.

Современный экономический дискурс не может рассматриваться как единое целое – «единого языка экономики в едином контексте» не существует. Помимо множества аспектов разнообразия экономических дискурсов следует обратить внимание на следующий: возникают (и продолжают) ситуации, в которых отсутствует «объективная онтологическая реальность» как возможный объект изучения экономической науки (и любой другой науки). Многообразие познавательных процессов и механизмов самоорганизации порождает многообразие связанных с ними смыслов, выражаемых с помощью и в рамках разных дискурсов. Каждый конкретный дискурс как способ построения смысла (и как формирующаяся когнитивная система, самоорганизующийся познающий неантропоморфный субъект, в терминах теории аутопоэзиса (Цоколов 2010) может быть соотнесён с собственной реальностью – они взаимодействуют и взаимоконструируются. Реальности, соотносимые с каждым дискурсом, можно назвать конструктами. Один сложившийся дискурс не подходит для описания (и организации) реальностей, конструируемых на основе другого дискурса.

Приведённые тезисы не являются революционными в свете пересечения тщательно проработанных идей постмодернистской методологии, теорий социального, а затем и радикального конструктивизма (Кезин 2004) с технологиями дискурс-анализа и в целом с дискурсивной методологией постструктуралистов.

Постмодернизм оказал революционное воздействие на методологию

---

¹ Статья была представлена в виде доклада на конференции «История и современность глазами молодых : Россия в современном мире» 10 апреля 2010 года в г. Железнодорожный Московской области, РГГУ.

науки, в том числе экономической. Основные аспекты постмодернистского влияния на экономическую методологию представлены и в российской научной литературе. Релятивистский подход связывает дискурсивную и радикально-конструктивистскую методологии создания и осознания объектов исследования разных направлений экономической науки.

«Научное знание есть конструкт, выстроенный и развивающийся в соответствии с социально-историческими обстоятельствами. Различные научные дискурсы несоизмеримы и несопоставимы друг с другом, их невозможно иерархически упорядочить, более того, поскольку каждый из них рассматривается зачастую просто как способ видения мира. <...> Наука рассматривается как один из элементов описываемого ею мира, а исследователь – как субъект действия и создатель смыслов, меняющий мир, который он описывает и который также в свою очередь воздействует на него» (Болдырев 2006). Подобный подход к проблеме "наблюдатель – объект исследования" характерен и для современной релятивистской квантовой физики.

Таким образом, следует чётко обозначить проблему отсутствия онтологической реальности для экономического исследования. Каждое из развивающихся направлений экономической науки оперирует в рамках определённого конструкта – объекта исследования – с помощью специального дискурса. В условиях вышеозначенных методологических подходов вопрос о приоритете дискурса или объекта исследования (конструируемой реальности) невозможен.

Понятие экономического дискурса появилось в российской науке относительно недавно в рамках развития методов дискурс-анализа в применении к тематической речи (см., например, Томашевская 2000; Текст и дискурс 2001). До сих пор экономический дискурс воспринимается как единое целое, с отдельными вариациями либерального и протекционистского, рыночного и государственнического акцентов; до сих пор не ведётся контент- и тем более дискурс-анализ корпуса экономических текстов; нет работ по различению экономического и политического дискурсов. При этом использование именно методов дискурс-анализа позволит разобраться в наслоении сконструированных экономических реальностей.

Научный экономический дискурс развивается в рамках разных экономических научных школ и даже парадигм; помимо него существуют и развиваются политический и обывательский экономические дискурсы с вариантами в сторону новостной журналистики и массовой публицистики. Каждый из перечисленных типов дискурса создаёт особые «поля обсуждения» по отношению к рыночной экономике, государственному распределению благ, макроэкономическим вопросам и другим аспектам экономических реальностей. Таким образом, экономические дискурсы дробятся вместе с углублением понимания и организации экономической действительности.

Типы экономических дискурсов

	1. Рыночные отношения	2. Государственное распределение благ	3. Макроэкономические процессы
1. Научный	Тип 1.1.	Тип 1.2.	Тип 1.3.
2. Политический	Тип 2.1.	Тип 2.2.	Тип 2.3.
3. Обывательский	Тип 3.1.	Тип 3.2.	Тип 3.3.

Тип 1.1 «научный экономический дискурс – рыночные отношения»: монетаризм, экономикс, теория контрактов, обоснование антимонопольных законов.

Тип 1.2 «научный экономический дискурс – государственное распределение благ»: эффективность бюджетных организаций, обоснование дотаций, субсидий, льгот, оценка качества администрирования, стоимость административного ресурса.

Тип 1.3 «научный экономический дискурс – макроэкономические процессы»: политэкономия, международные финансы.

Тип 2.1 «политический экономический дискурс – рыночные отношения»: госкорпорации, таможенные союзы, преференциальные зоны, государственное регулирование монополий.

Тип 2.2 «политический экономический дискурс – государственное распределение благ»: карточная система, запреты и разрешения, регулирование цен, коррупция, клановость, конфликт интересов.

Тип 2.3 «политический экономический дискурс – макроэкономические процессы»: зарубежные зоны государственных интересов, дипломатия, национальная экономическая безопасность, экономическая интеграция, геополитика.

Тип 3.1 «обывательский экономический дискурс – рыночные отношения»: подешевле купить, удачно приобрести, договориться.

Тип 3.2 «обывательский экономический дискурс – государственное распределение благ»: «государство должно (мне, нам) выделить».

Тип 3.3 «обывательский экономический дискурс – макроэкономические процессы»: заговор международных финансовых воротил.

Каждый дискурс существует в своих контекстах, то есть в той реальности, вместе с которой он развивается (и, возможно, определяет её существование). Все они существуют в данный момент одновременно и могут конфликтовать как в сознании индивида, в способах познания, так и в общественном мнении. Реальность-конструкт, созданный на основе одной формы познания в рамках определённого дискурса, анализируют и познают с использованием других дискурсов. Научно организованное сознание имеет возможность переключаться при восприятии разных конструктов на соответствующие типы дискурса, но недостаточно развитое сознание подобная практика может привести к различным формам когнитивного диссонанса.

«Например, специалист по теории игр или марксист вряд ли найдут общий язык с эконометристом, озабоченным улучшением качества своих оценок, а посткейнсианец, скорее всего, невысоко оценит последние разработки теории общего равновесия» (Болдырев 2000). Продолжая идею приведённой цитаты, можно привести пример чиновника, определяющего свою деятельность по распределению общественных благ на основе дискурса рыночной торговли услугами, или пример учёного-экономиста, далёкого от повседневной реальности домашнего хозяйства.

В заключение следует сформулировать необходимость создания хотя бы самой простой типологии дискурсов-реальностей, в рамках которых функционирует современная русскоязычная экономика. Следующей задачей станет формирование когнитивных инструментов разделения познаваемых или обсуждаемых реальностей и механизмов выбора соответствующего дискурса, анализ микро- и макро- (или супер-)структуры и разработка тезауруса каждого дискурса, выявление когнитивных схем и иных правил построения смысла в рамках каждого дискурса.

Список литературы:

- Болдырев И.А. Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 59. – Электрон. версия. – URL: <http://historyofeconomics.narod.ru/vopreco/26.10.06-21.03.08/2025476.htm>
- Кезин А. В. Радикальный конструктивизм: познание «в пещере» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. №4. 2004. С. 3-24. – Электрон. версия. – URL: http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2004/kezin_cognit.htm
- Набоков В.В. Интервью телевидению Би-Би-Си в июле 1962 г. Цит. по: В.В. Набоков: Pro et Contra. Т. 1. – СПб., 1997. С. 140 (пер. М. Маликовой).
- Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. 155 с.
- Томашевская К.В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2000. 153 с.
- Цоколов С. Аутопоэтические и когнитивные системы Умберто Матураны и Франциска Варелы [Электрон. ресурс] // Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания / Цоколов С. München, 2000. – Гл. 4. – Электрон. дан. – 2010. – Режим доступа: <http://autopoiesis.narod.ru/papers/Glava4.doc>

Виктор Владимирович Крысов – кандидат географических наук, г. Москва, geography2004@yandex.ru

НАТАЛЬЯ ЧЕРКАШИНА

natacherkashina@yandex.ru

«ЗВЕЗДА КАК РОЛЕВАЯ МОДЕЛЬ»: НЕКОТОРЫЕ СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ

В настоящее время реклама с участием знаменитостей одна из популярных стратегий, которую компании широко используют для привлечения внимания своей целевой аудитории. С ростом конкуренции компании уже не могут удовлетвориться лишь предложением покупателю своей продукции. Бренды должны предоставлять потребителю гораздо больше, чем традиционные ценности – качество, надежность и доверие. Они должны стать для потребителя источником самореализации, самовыражения и самоидентификации. Для привлечения внимания целевого рынка компании широко используют рекламу с участием знаменитых и популярных людей.

Реклама с использованием знаменитости – это канал распространения информации о бренде, когда звезда выступает от его лица и подтверждает притязания и положение бренда, распространяя на него свои личностные качества, популярность, положение в обществе или свою профессиональную компетенцию. Если знаменитость максимально раскрывает суть бренда, то легче всего построить эмоциональную взаимозависимую связь торговой марки с потребителем.

Стоит отметить, что использование «звездной» телерекламы превалирует в рекламе средств по уходу за кожей, волосами, полостью рта, рекламы товаров бытовой химии, интимной гигиены, лекарств, кормов для животных и др.

В данной статье мы рассмотрим ряд российских телевизионных реклам категорий «звезда как ролевая модель» с точки зрения ее полезности, пригодности и воздействия на потребителя. Для анализа мы взяли наиболее популярные российские рекламные телевизионные ролики с участием знаменитостей: «Garnier Ультра Лифтинг Про» с Ларисой Вербицкой, антивозрастной линии очищение и свежесть «Черный жемчуг» с Лолитой Милявской, «Deshel» с Еленой Прокловой, «Olay total effects» с Яной Рудковской.

В семиотическом анализе выделяются три уровня исследования знаковых систем:

1. Синтактика (изучает отношения между знаками);
2. Семантика (исследует знаковые системы как средства выражения смысла – основным ее предметом является интерпретация знаков и сообщений);
3. Прагматика (связана с изучением отношения между знаком и интерпретатором сообщения).

В соответствии с типологией Ч.С. Пирса в семантическом плане все знаки подразделяют на три группы: индексальные, иконические и символические.

В рассматриваемых рекламных роликах по уходу за кожей лица категории «звезда как ролевая модель» используются все три типа знаков.

Изображение самого средства является иконическим знаком. Товар демонстрируется с различных ракурсов. Популярный кадр – средство по уходу за кожей лица находится на ладони у рекламируемой его знаменитости, тем самым отчетливо видны достоинства объекта, при этом уделяется большое внимание информативности кадра.

В каждом рекламном ролике указаны: название средства, данные о человеке (модели), функции рекламируемого средства. Все это выражено при помощи слов. Сопровождает видеоряд какой-либо текст. Слова и речь являются символическими знаками. В рекламных роликах «Garnier Ультра Лифтинг Про», антивозрастной линии «Черный жемчуг», «Desheli», «Olay total effects» видеоряд выстроен из текстовок: название крема, информация о модели: «Лариса Вербицкая» – телеведущая»; «Лолита Милявская – певица»; «Елена Проклова – актриса, телеведущая»; «Яна Рудковская – продюсер» описываются свойства и функции продукта, сопровождающиеся закадровым голосом.

В исследуемых рекламных роликах задействованы различные иконические знаки. Они являются атрибутами определенной роли, которую рекламная модель выполняет. В рекламных роликах антивозрастных средств по уходу за кожей «Garnier Ультра Лифтинг Про» телезрителям демонстрируются слои кожи лица (подкожа, дерма, эпидермис, верхняя кожа, зародышевый слой), молекулы ингредиентов, входящих в состав крема. В рекламе антивозрастной линии «Черный жемчуг» также демонстрируются слои кожи, в которые после нанесения проникают рекламируемые средства, насыщая кожу кислородом, тем самым активизируется клеточное дыхание (показаны пузырьки с O₂). Рекламный ролик косметики Desheli появился сравнительно недавно, но за короткий срок уже стал популярным благодаря выбранной модели – Елене Прокловой. Хочется отметить, что в рекламе не прослеживается явное использование иконических знаков, нет подробного рассказа о функциях и свойствах средств, только общая демонстрация телезрителю средств в финале ролика. В рекламе «Olay total effects» иконические знаки выражены несколько иначе. Явной демонстрации свойств не прослеживается, но в рекламе перечислены и показаны «семь признаков старения», с которым борется крем и в конце демонстрация крема телезрителю.

Стоит отметить, что модели рекламных роликов были выбраны не случайно. Внешность моделей для их возраста безупречна. Как истинные деловые женщины они заботятся о себе, всегда одеты со вкусом, ухожены, подтянуты, стройны и сияют изнутри. Поэтому использование данного образа вызывают в сознании людей ассоциации уверенности и эффективности данных средств.

Семантическая особенность рассматриваемых телевизионных реклам заключается в том, что рекламируемый товар помимо фигурирующих там знаменитостей, помещен в определенный социальный контекст, который помогает наполнить рекламируемую продукцию дополнительными

психологическими ценностями и сделать товар индикатором определенного социального статуса для потребителя.

Если оценивать телевизионную рекламу с синтаксической точки зрения, то необходимо обратить внимание на соотнесение вербального и визуального видеоряда и на его структуру соответственно. В рассматриваемых нами телерекламах используются реалистичные сюжеты, которые связаны с реальной жизнью моделей. Например, в студии «Доброго утра» выключаются камеры, гаснут софиты, и Лариса Вербицкая, после окончания съемок, рассказывает о рекламируемом продукте либо телеведущая находится в уютной домашней обстановке; Лолита Милявская находится дома и дает интервью – рассказывает историю из жизни, где упоминает о том, что косметику «Черный жемчуг» ей подарила костюмер, когда на гастролях украли чемодан звезды; у Елены Прокловой также берут интервью, только здесь мы видим его финальный аккорд, когда журналист задает последний вопрос: «Елена, как Вам удастся так молодо выглядеть?». После чего модель рассказывает о средствах по уходу за лицом «Desheli»; вокруг Яны Рудковской рабочая обстановка, затем кадр и она уже в магазине выбирает крем, еще кадр и модель дома показывает на компьютере «7 признаков старения», с которыми борется крем «Olay total effects».

Стоит отметить, что вербальный и визуальный видеоряд дополняют друг друга. На экране изображено, то о чем говорится в тексте рекламного сообщения. Когда Лариса Вербицкая говорит: «Морщины словно вытолкнуты изнутри», то на экране визуализируется изображение – в правой руке у телеведущей резиновый шарик, который после сжатия становится упругим и гладким (символизирует «распрямление» кожных покровов). После слов Яны Рудковской: «Чтобы выглядеть моложе, я поменяла свой уход на Olay total effects», она отодвигает баночки с кремами в сторону и ставит на стол рекламируемый крем.

Важной для телевизионной рекламы является структура видеоряда. Для более эффективного влияния на телезрителя рекомендовано использовать динамичную рекламу, в которой происходит смена визуального изображения, развитие сюжета рекламного сообщения. Длительность рекламных роликов антивозрастных средств по уходу за кожей «Garnier Ультра Лифтинг Про» 15 секунд. За это время визуальное изображение в кадре меняется 7 раз. Длительность рекламы антивозрастной линии очищение и свежесть «Черный жемчуг» 30 секунд, смена визуального ряда происходит 5 раз. Реклама «Desheli» длится 20 секунд, смена кадра 4 раза. Рекламный ролик «Olay total effects» продолжительностью 25 секунд, изображение меняется 6 раз. Это создает динамику и способствует поддержанию внимания телезрителя.

С точки зрения прагматической составляющей хочется сказать, что для более эффективного воздействия рекламисты используют такие элементы прагматического плана, как ремы, суждения и умозаключения. В рассматриваемых нами телевизионных рекламах умозаключения звучат следующим образом: «Заботься о себе. Garnier», ««Черный жемчуг» – наука о красоте», ««Desheli», потому что доверяю», «Я поменяла свой уход на Olay total

effects. А вы?».

Итак, для большего воздействия на потребителя при создании рекламного ролика используются три типа знаков: индексальные, иконические и символические. На синтаксическом уровне воссоздают сюжеты из жизни моделей. Для поддержания внимания аудитории используют динамичную структуру видеоряда. В качестве прагматической составляющей используются умозаключения, которые произносятся в конце телерекламы моделями.

Наталья Александровна Черкашина – магистр журналистики,
г. Белгород.

ЕВГЕНИЙ МОСКВИН

e.moskvin@bk.ru

ЧИСТАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ: ДИСКУРСИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

В этой статье мы обсудим результаты нашей попытки концептуализации категории Г. Зиммеля «чистая форма общения» в контексте институциональных механизмов.

Мы полагаем, что такая постановка исследовательской задачи выводит нас на ключевой вопрос социологии – «Как возможно общество?». Зиммель, как известно, признавал «загнанность» индивида в сети разнообразных – преимущественно рассогласованных и раздробленных – социальных типов, социальных процессов, сценариев развития, но при этом решение этой социологической трагедии он видел в осознании индивидом возможности общества. Освоение социальных конвенций, умелое исполнение своей роли придает индивиду свободу так же, как актёр приобретает свободу в ходе сценического перевоплощения. Выражение этого мы находим в реализации чистой формы общения.

Ирвинг Гофман формулирует ответ на главный социологический вопрос в терминах «фрейма», «ключа», «переключения», «работы лица» и так далее. Мы могли бы сказать, что этот ответ более детализирован и дает актеру, поставленному Зиммелем в трагическое положение, реальные, конкретные способы, приемы взаимодействия в ситуации, происходящей лицом к лицу здесь и сейчас. Гофман описывает «инструменты» (если мы прибегнем к сугубо утилитарной метафоре), с помощью которых индивид может стать актером, вовлекающимся в социальные взаимодействия сознательно и умело.

Ван Дейк представлял фреймы в качестве концептуальных схем, организующих сознание. Мы можем взаимодействовать в обществе благодаря общей системе интерпретаций. Фреймы являются, по мнению ван Дейк, единицами, организованными вокруг некоторого концепта. Концептуальные схемы, на которые делает упор ван Дейк, по нашему предположению могут стать адекватным объяснением того, что реализуется в процессе чистой формы общения. Ибо без наличия подобных концептуальных схем, дающих объяснения окружающей нас реальности коммуникация становится невозможной. Как писал Гофман, «мы можем терпеть необъясненное, но не можем терпеть необъяснимое». Первичная система фреймов – это основание повседневной жизни, которое дает нам землю под ногами в бесконечном процессе трансформации «общественных форм», если говорить языком Зиммеля. Взаимная переплетенность концепций данных авторов, безусловно,

являет собой поле для плодотворного социологического анализа при наличии разнообразия точек зрения на чистую форму общения.

В качестве гипотез сформулируем следующие положения: 1) дискурс чистой формы общения является автономным по отношению к институциональным дискурсам; 2) дискурс чистой формы общения обладает признаками институционального дискурса. Соответственно, задачами нашего исследования являются: 1) выявить отличия дискурсивных стратегий чистой формы общения от общения в рамках институциональных дискурсов и 2) выявить признаки институционального дискурса в дискурсе чистой формы общения.

Нами был проведен опрос 10-ти представителей профессий, чья профессиональная деятельность связана с работой с ситуациями, которые содержат в себе столкновение интересов говорящих в силу тех или иных их целей (конфликтолог, медиатор, учитель, тренер по ведению переговоров, психотерапевт). По замыслу исследования данные специалисты наиболее остро отличают общение ради разных целей. Также используются данные опроса доступных респондентов студентами-психологами в рамках практикума. В качестве методов сбора информации были использованы нарративное и полуструктурированное интервью.

Дискурсивная компетентность институциональных дискурсов

Дискурсивная компетентность подразумевает под собой «способность подстраиваться под динамичный контекст дискурсивной коммуникации, а также самому выступать в качестве «творца» этого процесса» [Кожемякин, 2008, с. 168]. Конечно, для того, чтобы институциональный дискурс существовал, необходим и определенный процесс научения и включения в дискурс. В каждом институте можно выделить два измерения, которые соотносятся друг с другом как ядро и периферия. В одном измерении человек может объяснять другому содержание дискурса на понятном ему языке, а в другом «глубоком» происходит как бы более герметичный языковой обмен, обмен между профессионалами.

«- Ну вот как формируется его умение, допустим, делать запрос? Как происходит формулировка именно в словах так, чтобы вы его поняли.

- Как я ему помогаю?

- Ну часто такое же бывает, что ...

- Ну я могу описать, как я ему помогаю, если человек первый раз пришел на психотерапию, то есть он не в курсе совершенно. Я ему объясняю просто, что психотерапия – это общение, сфокусированное на цели, вот, значит, и поэтому я буду так уточнять, чтобы вы хотели, буду приставать с вопросами, чего бы вы хотели, вот. Могу, если это впервые пришедший клиент привести примеры запросов, которые делали клиенты, обращаясь, а потому действительно пристаю с вопросами, чего бы он хотел. Вот здесь важно для меня опираться не только на какие-то рациональные его соображения, но и на его чувства, и через это выйти на его желания. Потому что часто наши желания именно в чувствах скрыты» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

«- Ну вот что мне нравится в гештальт-терапии это то, что с клиентом можно говорить на его языке. Мало чему в плане языка нужна обучать клиента. Ну большинство и

так знает, что такое чувства, эмоции. Большинство людей и так знает, что такое потребности, вот. Большинство людей знает, что такое возбужденный или спокойный, например. То есть я редко, на самом деле, обучаю клиентов каким-то специальным терминам, вот значит. А специальные термины, которые приняты в гештальт-терапии, в когнитивной терапии мы больше используем с профессионалами, с коллегами для обсуждения того, что происходило» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Также встречаются и призывы к отказу, растворению границы между профессиональными и повседневными языками.

«Профессиональное общение может быть чуть более нагружено терминами, фразами, построениями фраз. Хотя наверное последние года 4 у меня довольно сложное отношение к профессиональным языкам. <...> Вот почему именно последние несколько лет. Мне удалось несколько лет назад побывать на лекциях знаменитого норвежского криминолога Криса Нильса. В которых он тоже говорит о языке. Так вот будучи высокообразованным специалистом с международным именем, да, юристом, криминологом. Когда слушаешь его лекции, то понимаешь, что все окружающие люди вне зависимости от образовательного статуса, уровня культуры, понятно всем о чем он говорит. И с некоторых пор я стала сомневаться в профессионализации языка, потому что я согласна с его идеей о том, что профессиональные языки разделяют людей на узкие сообщества. Для меня это похоже на касты.<...> И вот он рассказывает о том, когда приезжают специалисты насколько важно говорить тем языком, который был бы понятен этим людям. Потому что он там приводит интересный пример. В Норвегии есть деревни для людей с ограниченными возможностями, где они все вместе живут. Жительница этой деревни, она что-то переспрашивает, переспрашивает. Он ей говорит: «Ты что не понимаешь меня». «Нет» - отвечает она – «Если бы я понимала, то я бы здесь не жила». И ему стала очень стыдно. Такая вот ситуация. Во всяком случае. Заметила, что когда читаешь по определенной теме очень много литературы профессиональной, мгновенно выходит это на язык и начинаешь себя контролировать» [Гатьяна Александровна, медиатор].

Здесь мы видим своеобразную деинституционализацию и депрофессионализацию. Мы общаемся с человеком не как с членом профессиональной группы, а именно как с человеком за границами всех профессиональных групп (как выразился информант-психотерапевт «приглашение к диалогическому общению»).

Не только дискурс психотерапии отгорожен «стеной непонимания» от обывателя:

«Бывают такие ситуации. Что касается клиентов, то даже с клиентами лингвистические особенности есть. Потому что один клиент приходит грамотный, высокообразованный человек, просто несколько в другой сфере образованный человек. Прекрасно тебя понимает с полуслова. И достаточно просто ему на определенном уровне ему объяснить юридически грамотно. А приходит бывает бабушка восьмидесятилетняя и ей рассказываешь: «Вот берете вот эту бумажечку, вот идете вот сюда». Уровень разный» [Марина Станиславовна, адвокат].

Особенно ясно дискурсивная компетентность проявляется, когда есть какой-то оттеняющий дискурс, когда субъекту дискурса есть с чем сравнивать.

«Человек, который обучал меня когнитивной терапии, ругался на то, что я достаточно пассивен. Я привык в гештальттерапии так себя вести. Нужно было

определенные усилия делать, чтобы и другой стиль освоить» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

В действительности мы видим, что определенные системы воспроизводства знания различных дискурсов вступают в конфликт, обусловленный тем, что фокус внимания в разных дискурсах направлен на разные проявления действительности, что и определяет способ говорения, исключающий все остальные. Это особенно плотно ощущается в ситуации терапевтической беседы в силу её целевой направленности и стремления участников в зависимости от того или иного направления психотерапии «выдавить все лишнее». В этом находит выражение ценностная функция дискурса, которая и помогает нам, участникам определять дискурсивных агентов как «внешних» или «своих».

Понятийные рамки очень важны для представителей институциональных дискурсов, без них не было и систем понятий, которые позволяют функционировать институтам. Если А будет определяться как Б в контексте В не для всех, профессиональная коммуникация легко может быть разрушена.

Гофман выделял предмете коммуникации «задний» и «передний» планы. Возможность успешно совершать переключения с одного плана на другой считается в переговорах показателем компетентности.

«Есть такое понятие для меня. Это понятие профессиональная коммуникация. Это когда человек рассматривает сами переговоры как объект профессионального внимания. То есть в русле своих целей, своих профессиональных задач. В русле возможных манипуляций, давлений, то есть, достигая каких-то определенных результатов. Он, как бы, рефлексиря, находится над этим процессом сверху. Соответственно здесь присутствует контроль эмоций. Здесь присутствуют определенные линии. Определенный набор стратегий. Здесь есть вот такая специфика, когда люди общаются профессионально <...> Ну тем не менее, когда переговоры закончатся, он выйдет и будет общаться с ними на совершенно человеческих основаниях. То есть профессиональные. Выйдя он приобретёт другую роль» [Александр Владимирович, тренер по ведению переговоров].

Здесь мы видим важное разделение. Популярно высказывание, которое является парафразом на теоретические изыскания Гофмана: «Если вы не сможете корректно определить ситуацию, то ситуация определит вас». Действительно, неспособность подобрать адекватную рамку для определения ситуации чревато провалом для человека, вовлеченного в институциональный дискурс, но не обладающего достаточно компетентностью. Когнитивная составляющая фрейма, организованное, объективное знание о мире дают человеку определенное преимущество в организации и дальнейшем развитии знаний о мире.

Следующий отрывок приведен полностью, так как иллюстрирует собой хороший пример дискурсивной компетентности.

«У меня было дело, гражданское. Да несколько. У меня много дел, кстати, было с мировыми соглашениями. Значит, я была со стороны бабушки, у неё умер сын. Они проживали вместе в квартире, которая была приватизирована на двоих, на бабушку и на сына. И доли у них были в собственности. У неё одна вторая и у сына одна вторая. После смерти сын, значит, бабушка наследник, мать его. Да? Наследник первой очереди. И дочь

есть ещё, которая живет отдельно, которая тоже наследник. То есть доля этого мужчины одна вторая квартиры должна делиться между бабушкой и этой девочкой, но учитывая, что бабушка собственник, да, этого человека и плюс она проживает в этой квартире и пользуется вместе с ним этой квартирой у неё есть преимущественно право при разделе наследственного имущества. То есть она в праве преимущественно поставить вопрос: мне отдайте долю, а я выплачу стоимость доли внучке ей выплачу. Грубо говоря, 700 тысяч, грубо говоря. Доля внучки стоит семьсот тысяч и для того, чтобы заключить мировое соглашение мы должны в суде иметь эти 700 тысяч. Прийти и сказать: вот у нас 700 тысяч. Ну там не столько бабушка, сколько её живой, оставшийся в живых сын, они принесли деньги. В процессе мама этой молодой девушки (девушка молодая, мама это за неё ходит) заартачилась. Адвокат как-то не сильно с их стороны сидит. Я понимаю, что она понимает, что лучше так. Просит вселить их в квартиру, определить им эту 1/4 долю, просит вселить их в квартиру. И я уговорила. Причем я сказала: вот если бы сейчас я была с вашей стороны и предложили бы деньги с вашей стороны, там, да. Я бы сказала вам как ваш адвокат: «Скорее бегите, хватайте деньги и убегайте, пока люди не передумали». Потому что как вы будете жить в этой квартире? Порядок пользования как вы определите? Все равно доля не вся ваша. Комната. Да там половина этой комнаты. И что вы будете делать? Как вы в этой комнате будете жить? Раскладушку поставите? Продать вы не можете. Все равно вы должны. Как вы будете жить в этой квартире? Вторая доля вам все равно не достанется, у бабушки есть сын, которому уже написано завещание. Вы же понимаете прекрасно. Вот таким образом так вот потихоньку мягко давя можно так же мягко оказывать давление, давление, давление на человека» [Марина Станиславовна, Адвокат].

Несмотря на избыточное, на первый взгляд, обилие фактов, достаточно четкое и компетентное описание дает нам понять, что дискурсивная компетентность в итоге преобразовывает базовое понимание судебных прений. Человек, изучивший за всю свою жизнь все возможные потайные ходы в замке юридического дискурса, понимает условность институциональных норм. Точнее будет сказать их противопоставленность жизненному миру. Затверделость института видится такому человеку как «противная» реализация действий, которые могут быть выгодны экономически или служить другим ценностям: «Вторая ситуация: Бабушка подала заявление на маму девочки, то есть своей внучки о лишении родительских прав. Девочке 17 уже лет было. 17 лет. Она ушла к бабушке жить. Поругалась с мамой ушла к бабушке жить. Там ещё младшая девочка жила. Мама с отцом уже давно не живет – это бабушка по линии папы. Вот бабушка поставила вопрос о лишении родительских прав. Начали в процессе выяснять. Я говорю так, вот вы знаете. Вот сейчас вы пытаетесь доказать, что мама жестоко обращается с ребенком. И так далее и тому подобное. Во-первых неизвестно, что завтра будет. Завтра вы не понравитесь в чем-то вашей внучке и она вернется к маме. Потом, вашей внучке до совершеннолетия осталось меньше года. Я говорю мы щас все сделаем, чтобы протянуть процесс и мы дотянем до 18-ти лет и у вас возможности уже лишить родительских прав не будет. Девочка будет взрослая. Кто-то мешает девочке жить у вас? Нет, не мешает. Она живет с вами? С вами. Давайте, и вот мы и судья собственно говоря на мою сторону встал, даже органы опеки говорят: давайте заключать мировое соглашение. Пожалуйста, пусть девочка живет у вас. Мама будет. Ну мы там договорились. У мамы очень небольшая

зарплата. Мама будет ежемесячно 2 тысячи девочке на счет перечислять. Как алименты вот пусть она живет у вас. И договорились. Тут же написали. Тут же судья посмотрел говорит: пишете Марина Станиславовна мировое соглашение. Чё прям тут я говорю? Да, прям тут. Дал мне бумагу я быстренько написала мировое. Мы заключили мировое соглашение. И я встретила эту бабушку через несколько месяцев. Ну где-то она тут живет, я ехала с работы. Она, смотрю, знакомое лицо. Она мне напомнила, кто она и говорит: «ой, вы такая хорошая» Это противная сторона мне говорит. Такая хорошая, а вот ведь вы знаете, а ведь она ушла к маме жить. Ну вот пожалуйста. А ведь вы тут сыр да бор. Нам сейчас войну устроили. Ну и что? Вот все вы правильно сделали. Вот-вот пожалуйста» [Марина Станиславовна, Адвокат].

Здесь можно рассуждать о функциональности института. Но за всей функциональностью стоит реализация интенций каждого конкретного индивида к выполнению того, что является ценным для него. Возможность коммуникации вне института суда позволяет прийти к консенсусу, который может принести больше пользы каждой из сторон (здесь польза употребляется в узко ситуационном экономическом смысле). Тотальность института условна в глазах профессионала. А нормы его – это строительные кирпичи человеческого существования. Можно опять же предположить, что актер, который циничен, индивид, который недостаточно осознает существующую ситуацию буде вести себя иначе, как, например, адвокат противоположной стороны из отрывка, повествующего о тяжбе, связанной с разделом доли в квартире. Адвокат, вроде и понимал, что взаимовыгодным является решение, но был, по всей видимости, подавлен своей институциональной функцией защиты интересов клиентов. В итоге адвокат другой стороны убедил противоположную сторону в своей правоте.

В действительности то же самое видим и в чистой форме общения. Несмотря на всю нормообусловленность, человек, «находящийся» в институциональном дискурсе, понимает, что действительно важно в подобном контексте.

Сонаправленность целей

По самой своей сути профессиональная деятельность отобранных информантов содержит в себе определенный конфликт. Так, тюремный надзиратель готов преследовать свои цели вопреки требованиям профпригодности, которые накладывает его профессия и проверяет консультант, работающий с ним. Такой же конфликт зашит и в работе, например, психотерапевта и учителя:

«- То есть тогда получается, что цели терапии – это, чтобы показать клиенту, где проходят границы ответственности?»

- Ну да показать клиенту чего он хочет, чего он добивается и к каким последствиям это может привести. Ну как правило клиент оказывается там, где он оказывается за счет того, за счет его привычного способа реагирования. Вот, например, стремление перекладывать ответственность – это тоже один из привычных способов реагирования. И часто бывает важно показать клиенту, что он оказался там, где он оказался за счет его привычных способов реагирования, если он хочет быть в другом месте, то стоит изменить

способ свой, допустим, брать на себя ответственность. То есть нет задачи потакать клиенту в его невротических механизмах.

- То есть это благодатная почва для каких-то конфликтов?

- Ну да, да. Часто клиенты бывают недовольны. Ну если удастся им показать, что именно за счет этого способа он оказался там, где он оказался, тогда удастся продвигаться. Бывает так, что не удается. Клиент просто сердится: «Я пришел к вам, чтобы вы мне помогли, чтобы вы изменили мою жизнь, а вы не меняете, не хотите брать на себя ответственность, зачем я тогда сюда пришел?». Сердится и уходит от меня. Бывает и такое» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

«Вот это общение чистой воды. Но хотят ли они его, к сожалению, дети не имеют права выбирать. Может быть, им тяжело общаться со мной. Поэтому надо как-то стараться. Ну а ты, конечно, вынужден доминировать в этом общении это, к сожалению, наша работа» [Наталья Валерьевна, учитель].

Дискурсивная практика, обусловленная позицией в институте, определяет дискурсивную стратегию поведения и то или иное определение ситуации. Если мы говорим о дискурсивном доминировании в рамках института, то необходимо вспомнить фразу Фуко: «Идеология – это значение на службе власти». Дискурс, в котором победитель в борьбе за значения уже определен, хотя идеология и не может «затвердеть» полностью, находится по шкале твердости ближе к значению «твердый».

Когда же чистая форма общения из институционально обусловленной среды превращается, транспонируется, переключается в среду, в которой их дискурсивная компетентность перестает быть адекватной контексту? Например, в таком случае из практики специалиста по конфликтообразованию: «И для этого нужен специалист, который, вот, чем занимается специалист по конфликтообразованию? Он, если говорить о процедуре, когда именно две стороны приходят на процедуру, вот, он налаживает коммуникацию, чтобы стороны услышали друг друга, потому что когда они находятся вдвоем без третьего человека, они кричат и не слышат, а когда третий человек и вот он говорит, что вот сейчас вам нужно послушать и помолчать, человек в любом случае сидит и слушает, хочет он этого или нет. Конечно, когда мы говорим о неблагополучной семье, они не всегда фильтруют свой... разговор. Вот, ну стараются, стараются. А если вне, без другого человека, без присутствующего из вне – то там вообще можно, страшно представить. Естественно доходит до драки. Там нет таких норм, которые вот заставляют себя сдерживать. Но это вот те конфликты, которые я сейчас вам рассказываю – это самые распространенные в той неблагополучной среде, с которыми мне приходится работать» [Зоя Вадимовна, специалист по конфликтообразованию].

Ведь любому заключению брака (если конечно выбор сделан самими супругами, а не их родителями) предшествует определенная форма взаимодействия между субъектами, которая может быть названа «институционализированной», но в неформальной среде. Так, например, если подвергнуть эти формы «ухаживаний» антропологическому анализу, то можно сказать, что вне зависимости от культуры мы увидим в них некие схожие черты. Действительно, можно предположить, что если брак все же был заключен, то это означало, что оба супруга на данном этапе обладали достаточным осознанием целей того дискурса, в рамках которого происходило «общение», и

способностью к «обесцениванию» того, что не соответствует данной дискурсивной практике. То есть можно предположить, что при использовании ключа «церемониала» (ceremonial) два простых человека перестали быть «просто людьми», а стали супругами, вовлеченными в брачный дискурс, дискурс домохозяйства и т.п. Это все наводит нас на мысли о дискурсивной компетентности включенных в институт людей и того, как происходит подобное научение на практике.

Определенный намек на регулирование доступности мы видим в следующей цитате: *«Дома я могу молчать <смеётся>. Дома я должна быть (нет, неправильно). Дома я ничего не должна в общении, по идее. Я какая есть, такая есть. Я могу не общаться по идее. Я могу регламентировать свое общение. В школе я обязана общаться с людьми всеми, нравятся они мне или не нравятся»* [Наталья Валерьевна, учитель].

Довольно часто встречающееся словосочетание «институт семьи» обнажает свой смысл в данном отрывке. Набор определенных правил, норм, конвенций реализуется и в среде, которая по первоначальной наивной гипотезе исследователя являлась свободной от жесткой регуляции, но, однако же, мы видим для того, чтобы осуществлялась коммуникация необходимо достаточно жестко определять ситуацию (например, закрыть дверь, как говорит информант дальше по тексту интервью). Способность сознательно регулировать режимы вовлеченности противопоставляется респондентом в данном случае предзаданности публичной сферы. Актер, уставший от лицедейства на переднем плане, отбрасывает «казенный характер существования», вовлекаясь во взаимодействие в институте, который дает больше простора для взаимодействия.

Также представляет интерес концепция, касающаяся степени сонаправленности целей.

«То есть жесткие <переговоры> – они не в плане давления какого-то психологического. Это не грубое слово. Жесткие они в плане первоначального ресурса: мы имеем разные цели, да? Либо мы хотим с вами оба на этот стул сесть. Сесть хотим оба, а стул – один. Мы будем искать варианты. Вполне возможно, что мы найдем что-нибудь ещё, какие-нибудь диваны дополнительные. И в итоге договоримся, кто будет сидеть на этом стуле, чтобы другой не был проигравшим.<...> В коммерческих переговорах играет роль цена, количество и сроки. И нам необходимо договориться, как это будет протекать. То есть у вас есть максимально комфортные вам условия, а у меня есть максимально комфортные мне условия. <...> Так как здесь очень много параметров всего. Тут и цена, и сроки, и условия поставок, то есть мне легко где-то здесь уступить, где-то вы уступите и в итоге мы найдем какой-то итог, который будет устраивать нас обоих. <...> Но как правило в коммерческих переговорах практика делового оборота уже сложилась какая-то в зависимости от отрасли, то есть принято, что поставщики поставляют в зависимости от отрасли, то есть поставщики поставляют товар без предоплаты на ряде рынков, а закупщики хотят естественно большой срок предоплаты, то есть уже есть 20 дней общепринятые, а они говорят давай 25. Хорошо, 25 дам тогда цена будет чуть подороже, чтобы мы снизили свои риски и вот тут происходят определенные разговоры по поводу этого» [Александр Владимирович, тренер по ведению переговоров].

Таким образом, мы можем говорить о различной степени

сонаправленности и противонаправленности целей. Если прибегнуть к метафоре, которая может быть позаимствована из такого раздела физики как механика, то можно представить, что цели, находящиеся «под разным углом» друг другу будут соударяться с разной силой, как упругие шары. Ведь больший диапазон ситуаций, вариантов разрешения снимает напряженность противонаправленности целей двух агентов, так как не предполагает жесткой борьбы за один и тот же ресурс и больший простор для создания «продукта переговоров».

Дискурсивная компетентность чистой формы общения

Действительно, многие информанты выделяли свои ощущения социальных рамок не только в контексте их профессиональной деятельности, но и в контексте неформального разговора, не организованного теми дискурсами, к которым принадлежит их профессиональная деятельность. Таким образом, наиболее чувствительными к подобным границам оказались люди, связанные с профессиональным полем психологии и психотерапии:

«Я ещё подумал, что в силу того, что одна из целей психотерапии помочь клиенту соприкоснуться с разными темами, да. С разными сферами жизни и пережить разные эмоции, то бывает иногда у меня в таком общении ради общения, я начинаю затрагивать темы, которые не принято затрагивать в повседневной жизни, то есть мне об этом говорят, я привыкаю их затрагивать в психотерапии, а получается, сфера дозволенного в повседневном общении бывает уже» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Эмоциональные переживания, «импульсы», как их называл Зиммель, в рамках чистой формы общения находятся в узде всеобщего благополучия. Чистая форма общения – это ответ на вопрос как побудить индивида включиться во всеобщую связь и жить для нее; как, в свою очередь, сделать так, чтобы эта связь наделяла индивида ценностями и идеалами; как превратить жизнь индивида в средство для достижения целей целого, а «жизнь целого — в средство достижения целей индивида». То есть глубокого воздействия на личность, которое предполагает институт психотерапии, не предполагается в чистой форме общения.

«Если я могу сказать клиенту, что на основе каких-то вещей у вас все происходит так-то так-то и так-то... Ну, я не скажу какому-нибудь товарищу: ты попробуй с матерью вот так вот так поговорить. Ну, это некоторая граница такта. Я не лезу в личную жизнь. Я не лезу в личную жизнь человека с рекомендациями. Потому что это личная жизнь человека. Это личная жизнь человека, которая меня не касается в общем-то» [Антон, консультант по профпригодности тюремных надзирателей].

В данном отрывке нам видится явное противопоставление чистой формы общения и общения психотерапевтического. Как говорил выше информант-психотерапевт: *«Если клиент никогда не был на психотерапии, я объясняю ему, что психотерапия – это общения сфокусированное на цели» [Максим Анатольевич, психотерапевт].* Цель же чистой формы общения постоянно меняется и находится в поле самого разговора. В этом и есть один из важных моментов дискурсивной компетентности чистой формы общения: уметь не удариться в серьезность, сохранив при этом все признаки компетентности.

Есть некоторое различие в подходах психотерапевтов и медиаторов. Как лаконично выразился один из информантов: *«Психолог настроен на коррекцию личности. Я же только создаю условия для нормализации социальных отношений. В этом плане я более слабое орудие воздействия на психику человека»* [Ирина Анатольевна, преподаватель, медиатор].

Возможно, это и является объяснением разного подхода информантов, занимающихся психотерапией либо конфликтологией, к возможным столкновениям с нормами, определяющими институциональную компетентность чистой формы общения. Ниже представлен фрагмент разговора, касающийся возможных конфликтов и проникновения в интимную среду собеседника человека, занимающегося психотерапией.

«- Как вы это оцениваете вообще это явление?»

- Как я оцениваю? В силу своей деятельности я привык говорить о разном, да? И как бы эта привычка она работает и в повседневном общении. Ну, это как бы для меня не страшно, не запрещено в силу профессионального общения, а для людей, которые не имеют отношения к психотерапии это более сложно» [Максим Анатольевич, психотерапевт].

Данный отрывок говорит о том, что в действительности наличие определенной границы, определяющей институт, проходит внутри сознания человека. По Гофману, человеческие сложившиеся формы коммуникации способствуют и поддерживают подобное разделение, что выражается в разработанных им концепциях «работы лица», «заднего плана», «переднего плана», а также в рассмотрении игры актера как циничной либо искренней. В случае с искренней – человек верит в то впечатление, которое он производит, а в циничной модели поведения преобладает внутреннее напряжение, которое заставляет человека «ерзать». В данном же случае мы видим, что человек как бы «растворяет» подобные представления и не делит свое Я на «Я-психотерапевтическое» и «Я-обыденное», что в холистическом направлении психотерапии рассматривается как проявление психического здоровья и описывается понятием «осознанность». Таким образом, мы можем говорить об «осознанности» чистой формы общения, для анализа которой может пригодиться психологический термин «интроекция», который в данном случае подразумевает, если вновь воспользоваться терминами Гофмана искренность или неискренность данного общения. Данное понятие добавляет нам возможностей в аналитическом описании «чистой формы общения».

Выделение понятия «осознанность», безусловно, нарушает герметичность социологического описания данной проблемы, но дает нам возможность более объемно описать «чистоту» общения как такового. Ведь в действительности интрапсихические состояния человека выплескиваются в его общении и определяют «качество» его взаимодействия. Фредерик Перлз объясняет механизм интроекции, через аналогию с потреблением пищи. «Физическая пища, когда она соответствующим образом переварена и усвоена, становится частью организма; однако пища, которая «ложится камнем на желудок» – это интроект. Вы осознаете, ощущаете это, и хотите освободиться от нее. Если вы это делаете, вы выбрасываете ее из своей «системы» <...> Если это не физическая пища, а понятия, «факты» или нормы поведения, – дело обстоит так

же. Теория, которой вы овладели, «переварена» в деталях, так что вы сделали ее своей, и вы можете пользоваться ею гибко и эффективно, потому что она стала вашей «второй натурой». Но «урок», который вы проглотили целиком, без понимания, доверяя, скажем «авторитетам», и применяете теперь «как будто» это ваше – это интроект. Хотя вы подавили первоначальное замешательство, когда это насильно в вас впихивалось, вы не можете реально пользоваться этим знанием, потому что оно не стало вашим; в той мере, в какой вы загрузили свою личность проглоченными кусками того и сего, вы ослабили способность думать и действовать «от себя», по-своему» [Перлз, 2002, с. 123]. Ведь само по себе общение, если оно является одной из форм «обобществления» неразрывно связано с психологическими механизмами. Таким как допустим наказание или подкрепление. В общении мы тянемся к тем, с кем нам хорошо. Осознанность дает возможность играть свою роль более ярко и более «искренне». Не руководствоваться правилами вроде невторжения в частную жизнь или возможности использования его игрового преломления в процессе чистой формы общения, как чем-то внешним, а как чем-то, что можно сознательно употребить в процессе игры. Так, рассказанный кем-то порочащий третье лицо факт теряет свою силу в процессе игры. Он как бы отмывается от своего порока и становится просто символом, «легким художественным проявлением». Осознанность в данном случае помогает сохранять данный психологический баланс между сугубо частным и сугубо публичным (при этом границы могут меняться) и пользоваться данным фактом для воспроизводства чистой формы общения. Без какого-либо проявления искренности (осознанности) в данном случае невозможна коммуникация, называемая «Чистой формой общения» и коммуникация вообще. Гофман писал, что избыточный самоконтроль приносит такой же урон коммуникации, как и полное отсутствие самоконтроля. В действительности понятия «вовлеченности» не является синонимичным понятию «осознанности»: вовлеченность может быть как осознанна, так и нет.

Можно выделить определенную институциональную обусловленность «чистой формы общения» и необходимую для этого общения компетентность и некоторое, возможно «довлеющее» воздействие на субъекта дискурса.

«Да, безусловно. Я думаю, что среда определяет человека процентов на 50 - 60. Есть такое выражение, которое мне нравится - «интеллектуальный бульон». Человек, который рос в интеллигентной среде, он более богат в плане эмоциональном, психологическом. Мне кажется, что человеку сложно выбиться из среды, в которой он живет. Поэтому он так или иначе подстраивается под среду. Ну и соответственно под уровень общения. Родители не могли привыкнуть к общению. Мне пришлось расти до того уровня, куда я попала. Работать над собой» [Наталья Валерьевна, учитель].

«Во-первых, для женщины общение очень важно. Приходя на работу каждый рассказывает, что вспоминает, каждый рассказывает о своем, что произошло за день. Течение собой идет мысли, и получается разговор. Бывает, не хочешь говорить, но окружающие тебя раскручивают, и получается такой разговор уже не двух, а более людей» [Анна, библиотекарь].

«Я думаю где угодно, иногда даже не ожидаешь, иногда даже не хочешь общаться. Бывает порой хочется побыть одной, куда-то едешь даже где-то в транспорте, но если

начинает человек говорить, то невольно подключаешься в беседу» [Елена Александровна, офис-менеджер].

Жанр чистой формы общения изобретает и свои способы поляризации индивидов, упрощенных до социальных типов. Так, к примеру, человек, избегающий подобной формы взаимодействия, определяется как чужак или «инвалид» общения. Virtuозы же превозносятся и наделяются властью в рамках дискурса чистой формы общения. Здесь важно соотношение когнитивных структур человеческого сознания со структурами, заложенными в дискурсе, и, с другой стороны, влияние социальных структур на структуры дискурса. В действительности, грустить на дне рождения (неважно своем или чужом) вам вряд ли придется продолжительное время. Всегда найдутся заботливые люди из окружения, желающие вам помочь, ради сохранения сакральности происходящего веселья. Власть символа веселья непоколебима, ибо коммуникация не должна нарушаться. Она представляет собой саму суть того, благодаря чему возможно общество. Согласно ван Дейку, социальные структуры не определяют тексты, которые воспроизводятся индивидами. Скорее, «субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры». Как же быть здесь живому человеку, который испытывает общественно неодобряемые эмоции, и не хочет вовлекаться во всеобщую игру? Ван Дейк писал, что «власть» от «доминирования» отличается тем, что тот, кто хочет доминировать вводит подчиненного в заблуждение, искажая факты. Видами злоупотребления коммуникативной властью он называл манипуляцию, внушение, дезинформацию. По всей видимости, когда игра чистой формы общения начинает терять свой смысл, свое внутреннее содержание для её участников, и становится просто способом реализации «долженствования» тогда и нарушается естественное течение социальной жизни. Тогда чистая форма общения теряет свое содержание и становится пустой формой, ибо чистая форма общения подразумевает не отсутствие содержания, а содержание «сколь бы ни было оно ценно и привлекательно само по себе, становится правомерным, уместным и целесообразным лишь в связи с функциональным целым разговора как такового».

Некоторые информанты рассматривали сонаправленность целей, как необходимую составляющую дискурсивной компетентности чистой формы общения: *«Ну чаще это когда перед группой людей, которых объединяет только формальные отношения, ставилась какая-то общая цель, которую они должны были достичь вот именно общаясь между собой. И вот, я думаю, что в таком как раз общении и появляется неформальная сторона. И чем дальше заходят такие отношения, тем.. эта вот... этот неформальный, неформальная беседа больше проявляется, и поэтому, я думаю, что всё-таки основными ситуациями, когда происходит смена, в общем то... ситуации, когда у людей есть общая цель, которую они должны решить сообща»* [Николай, менеджер по продажам].

В действительности, информант видит различие чистой и «нечистой» формы в различии сфер целеполагания и необходимости коммуникации для достижения цели. Ведь мы не можем видеть в нашем коллеге только его

должность. Для осуществления профессиональной деятельности необходимо видеть так же и живую составляющую человека, просвечивающую сквозь все социальные наслоения. Напряжение, накладываемое целеполаганием, вынуждает нас к необходимости более полного контакта с окружающими нас людьми. Чистая форма общения дает почувствовать близость со всеми, при этом не будучи близким ни с одним. Это парадоксальное заключение вполне в духе Лао-цзы и Зиммеля единственный доступный нам способ «уловить неуловимое». Эта ситуация нахождения над всеми «объективными структурами» и «вдали от света и мрака глубин жизни» и составляет то умение, которому стоит учиться, но никогда невозможно достичь в идеале, ибо мы не герои этюдов Зиммеля. Мы же в свою очередь можем создать модель, которая способна уточнить и приблизить описание чистой формы общения к задумкам Зиммеля и построить мост между ним и современными учеными.

Исходя из анализа данных, мы можем выделить несколько особенностей дискурсивной компетентности чистой формы общения.

- экспрессивность (на уровне речевых актов используются чаще всего экспрессивы)
- нерелексивность целей (цель не осознаются, хотя являются сонаправленными)
- институционализированность (наличие определенных правил, норм и контроль за их соблюдением). Здесь, безусловно, стоит упомянуть процесс «анаксиоматизации», который происходит в дискурсе чистой формы общения. Этот процесс включает в себя обесценивание языковых норм, не соответствующих дискурсу в целом (его целям, дискурсивным практикам).
- также мы можем предположить, что имеет место отличие уровней вовлеченности (*involvement*) коммуникантов в отличие от других институциональных дискурсов.

Теоретическое представление чистой формы общения

Выделенный выше понятийный фундамент дает нам теоретическую рамку для описания чистой формы общения.

Рисунок 1. Теоретическое представление разновидностей общения

1) В первом, случае, если мы говорим о чистой форме общения, препятствия на пути коммуникации минимальны. Эта ситуация наиболее приближенная к тому, что описывается Зиммелем в статье «Чистая форма общения: пример чистой или формальной социологии». Свободный от всякого дебалансирующего влияния идеал взаимодействия. Каждым соблюдаются правила взаимодействия: невторгаемость в интимную сферу, а также незатронутость внешними институтами института чистой формы общения. Плодотворным было введение шкалы искренности – циничности (Гофмана) либо осознанности – неосознанности (Перлза), так как оно позволяет расширить границы описания и глубину понимания данного явления. В данном случае возникает вопрос соотносительности понятий компетентности и искренности. Может ли общение человека, исполняющего свою роль цинично, быть чистой формой общения? Если мы говорим об ответственности в психологическом её понимании, подразумеваемом осознанность, то она только способствует творчеству и творческому поиску в рамках чистой формы общения.

2) Если мы говорим о противонаправленности целей, но при этом сохранении дискурсивной компетентности, то здесь возникает простор для фабрикации различного рода. Так, торговец на улице Стамбула вполне может выглядеть доброжелательно при сохранении всех внешних признаков дискурсивной компетентности чистой формы общения, но при этом на самом деле стремиться продать товар по цене в два раза выше рыночной. Или же двое юристов могут прибегать ко всем своим умениям и навыкам ради достижения наибольшей обоснованности своих позиций в суде. Судя по рассуждениям информанта-адвоката подобный вид деятельности тоже может вполне себе представлять идеальный тип, так как важно введение такого понятие как «исполнимость» решения суда.

То есть мы можем говорить, что в некоторых ситуациях стремление к диалогу может быть признаком дискурсивной компетентности и во многих случаях реализация оной не заключается в максимальном отстаивании своей

позиции. Такое возможно в теории, но на практике мы сталкиваемся с огромным пространством факторов, которые отваживают агентов от стремления к реализации идеального типа.

3) Если говорить о противонаправленности целей и дискурсивной некомпетентности, мы можем обратиться к опыту специалиста по конфликто-разрешению, который столкнулся в электричке с эпизодом ссоры двух девочек, дошедшей до драки. Родительское вмешательство повело к разговору о привлечении правоохранительных органов в данный конкретный конфликт. В свою очередь подобное поведение было оценено конфликтологом как способ «перекаладывания ответственности». Также, возможно, сюда можно отнести приведенный выше психотерапевтом пример, касающийся того, что во время обучения альтернативному направлению психотерапии обучающий делал ему замечания о недостаточной активности по отношению к клиенту, связанной с большей вовлеченностью в дискурс другой парадигмы психотерапии, которая может трактоваться как «некомпетентность».

4) В последнем случае мы говорим о ситуациях, когда возможно один или несколько участников коммуникации являются исключенными из дискурса, но при этом цели общающихся совпадают. Например, чей-то приятель, пришедший на вечеринку, который не так-то знаком с системой номинаций (Что в данном контексте С значит X?) будет стремиться к реализации чистой формы общения, но при этом не совсем адекватно реализовывать дискурсивные практики данного сообщества.

Является ли чистая форма общения ключом, фреймом или институтом?

Гофман говорил ключах и переключениях: «Это понятие я соотношу с набором конвенций, посредством которых определенная деятельность, уже осмысленная в терминах базовой системы фреймов, трансформируется в иной, с точки зрения участников, вид деятельности». По Гофману, существует бесчисленное количество ключей.

Большинство респондентов не испытывают пространственной привязки «чистого общения» к тому или иному месту или времени. Выражая примерно следующее: *«Эта граница на уровне ощущений, на уровне эмоциональных состояний. С чем сравнить? Если брать какой-то материал, то профессионально общение – оно более жесткое. А личное – оно более воздушное. И оно абсолютно точно внутри проходит и оно на уровне ощущений <...> А что является обычно поводам для общения со своими коллегами в такой вот легкой манере. Наверное, какая-то новизна или интерес к тому, что мы обсуждаем и может нахождение чего-то общего. И тогда появляется легкость. Но легкость может быть немножко другая в плане какого-то творческого мышления, когда друг за друга цепляешься. Развиваешь, вроде говоришь профессиональным языком. Вроде, идешь по профессиональному, решаешь какую-то профессиональную проблему, но вот она как-то вот так уже за счет диалога вот этого дает такое интересное ощущение от результата»* [Гатьяна Александровна, медиатор].

Скобки не имеют привязки к пространству в случае с чистой формой общения. Скобки являются, как писал, Гофман составляющей опыта. Один информант заметил, когда его спросили об определенности чистой формы

общения физическим пространством:

«Может переходить плавно от одного типа к другому. Границы как-то нету. Один тип общения от другого можно отличить по вопросу, как человек его ставит» [Анатолий, дизайнер].

Поиск новой информации, направленный на ту или иную сферу и определяет границы опыта «чистой формы общения». Чистая форма общения часто становится совместным творческим поиском. В действительности не стоит забывать о том, что, для того, чтобы коммуникация состоялась и «удовольствие от творчества» было получено, необходимо, чтобы существовало определенное соглашение о коммуникации. Да действительно, коммуникация определяет внутреннее состояние индивида, возможно, и не на сто процентов, но она важна для его развития. Научение эффективным моделям дискурсивного поведения, происходящее в процессе социализации, формирует и мышление человека, вовлекающегося в ту или иную форму общения. Обесценивание неэффективных моделей способствует формированию дискурсивной компетентности. Границу провести невозможно, но можно представить определенные нормы и способы того, как достичь реализации чистой формы общения на уровне институциональных механизмов фрейма. Безусловно, это вызывает ассоциации с метафорой сознания как «черного ящика», но нам для нашего рассмотрения этого вполне достаточно. Мы считаем, что нормы дискурсивной компетентности, которыми обладают успешные члены института чистой формы общения, примерно одинаковы для всех людей.

Для большей четкости попробуем рассмотреть чистую форму общения через призму функций дискурса. Например, когнитивная функция дискурса реализуется в чистой форме общения, например, в процессе социализации. Каждый из нас осознанно либо неосознанно имеет представление о том, какие темы, какие жанры разговоров будут приемлемы в рамках такого общения. Как говорить? Говоря стихами в некоторых контекстах, можно быть принятым за сумасшедшего. Мишель Фуко обращал внимание на то, как дискурс обеспечивает сцепление высказываний в единую систему понятий, тем самым скрепляя их в единую когнитивную систему. Тем самым когнитивная составляющая институционального дискурса не столько формирует знание, сколько формирует правила для формирования знания. Тем самым дискурс чистой формы общения, помещая человека в прокрустово ложе между интимной средой личности и внешними институциональными проявлениями, оказывает влияние на формирование будущих знаний, умений и компетенций в рамках института чистой формы общения.

Ценностная функция позволяет дискурсу воспроизводиться. Оценивая проявления реальности с точки зрения бинарной оппозиции «хорошо-плохо» институт воспроизводит себя, легитимируя или отвергая те или иные практики. Практика молчания легко может быть отвергнута окружающими в рамках дружеской вечеринки, но безусловно принята в студенческой аудитории во время лекции. Опять же как уже было сказано выше в свете обсуждения возможности применения терминов гештальт-терапии, некоторые ценности могут быть навязаны сверху, продолжать воспроизводиться, но без присущего

им блеска, которым обладает игра искреннего актера.

Конструирующая функция дискурса подразумевает создание коммуникантами образа желательного или необходимого. Нормы блокируют нежелательные дискурсивные проявления: в некоторых случаях мат уместен, но понимание в каких случаях и в каких количествах он уместен и подразумевается под дискурсивной компетентностью чистой формы общения. Эта функция обусловлена тем, что человеческое познание опосредовано различными знаковыми системами. В процессе реализации чистой формы общения посредством институциональных механизмов фреймов происходит закрепление за знаками определенных смыслов и это и создает институт чистой формы общения. Также в этом процессе реализуется дискурсивная компетентность [32, с. 150].

Все же стоит заметить, что чистая форма общения является скорее институтом, чем ключом, так как она является скорее структурой, каркасом взаимодействия, чем способом перенастройки. Ключами являются определенные речевые ходы, которые приписываются чистой форме общения. Удачно рассказанный анекдот может переопределить ситуацию, как и анекдот рассказанный неудачно. Скорее отдельные импульсы, развиваемые чистой формой общения, могут служить ключами, но сама чистая форма общения как понятие ближе к понятию фрейма, либо института.

Заключение

Разные подходы обусловлены разными целями дискурсов. Если конфликтолог работает с конкретным фреймом, с конкретной ситуацией, как и, допустим, адвокат, то психотерапевт, скорее, стремится изменить саму личность индивида, точнее даже научить индивида меняться самому. То есть стремится научить человека сознательно преобразовывать фреймы, с которыми он столкнется на своем жизненном пути, переписывать их когнитивную составляющую или же что-то ещё.

В действительности давний конфликт социологии с психологией зашит в самих предметах этих дисциплин. Социология концентрируется на социальной обусловленности жизни индивида. В то время как психология же концентрируется на внутреннем мире индивида. Если же конфликты его обусловлены взаимоотношениями, которые находятся вне реальности психологической, сюда вторгается реальность социальная. Точнее даже будет выразиться, что, когда эти отношения проблематизируются, они становятся благодатной почвой для объяснения конфликта.

Как мы видели выше человек, сталкивающийся с нормами дискурсивной компетентности, имеет выбор, как их трактовать. Показателен в данном случае опыт юриста, в котором мы можем видеть противоположные способы толкования норм. Мы можем получить законное решение, при этом абсолютно не ведущее к каким-то субъективным моментам удовлетворения сторон, что постулируется одной из целей института. Приведем вновь уже имевшую место выше быть цитату: *«Можно получить решение суда, хорошее, решение, в вашу пользу, но ничего не получить по этому решению реально. Это не исполнится. Или будет очень долго*

и трудно исполняться.<...> То есть вы видите, а ваш подзащитный хочет естественно получить что-то» [Марина Станиславовна, адвокат].

Институт противопоставляется естественным человеческим отношениям, «жизненному миру», если можно так выразиться. Примерно похожее разделение мы видим, когда проводим различия психотерапевта и конфликтолога. Как выразился конфликтолог: «Я более слабое орудие воздействия на человека» соответственно и нормы дискурсивные в институте конфликтологии будут другими. И, возможно, глубина профессионального изменения человека. Как уже было сказано, изменение институциональной ситуации одного фрейма – более простая задача, нежели систематическое и осознанное «фреймотворчество». Таким образом, дискурсивная компетентность тесно связана с умением пользоваться различными ключами, пониманием различных фреймов и целей дискурсов. Агенты разных институтов творят в разных средах и поэтому научаются профессиональной «настройке» в рамках разных институциональных сред.

В чем причины разного подхода информантов к столкновению с нормами, определяющими дискурсивную компетентность? Причины могут быть различными. Если мы допустим конструктивистскую трактовку, в которой знание видится как обладающее приспособительной функцией, то мы можем предположить довольно очевидное объяснение различного подхода информантов их приспособленностью к разным дискурсивным средам. То есть способ реагирования, который избрал для себя каждый индивид по ходу вхождения в институт и будет причиной того, почему разные информанты по-разному реагируют на столкновения с нормами. Так, например, в профессиональном сообществе медиторов существует определенный стереотип восприятия юристов: *«Например, юрист оценивает ситуацию с точек зрения норм права. В основном анализирует прошлое, что происходило в прошлые периоды. При этом он работает с позициями, с тем, что заявлено в исковом заявлении или в претензии. Ищет прецеденты. И согласится в такой работе зачастую выхолащивается человеческое содержание начинают доводить нормы над интересами людей. Юрист скован довольно узкими рамками процессуальных правил» [Марат Александрович, медиатор].*

Как мы видим, данное представление о юристе не совпадает с рассмотренным выше случаем того, что и в работе юриста институциональные нормы – это не только цели, но и средства. Так, цели профессионального дискурса медиаторов требуют от них конструирования норм обоснованности своего существования.

«Мы не медиаторы но тем не менее в определенной степени мы медиаторы. Если хороший адвокат, он медиатор. Потому что медиаторы – это люди абсолютно беспристрастные, то есть они не должны здесь вставать. Я в любом случае иду со стороны своего клиента. Я вижу смысл, затратность, длительного процесса, ведь и моя работа небесплатна, он мне платит, оплачивает каждое судебное заседание. <...> Да, медиаторы их специально учат. Учат выбирать какой-то. Но полагаю, если клиент со мной работает то я способна убедить по возможности противоположную сторону и своего клиента без медиаторов, если есть положительный эффект в частности для моего клиента убедить его заключить мировое соглашение» [Марина Станиславовна, адвокат].

Тем самым мы видим, что системы интерпретаций порой бывают не совсем адекватны реальности. В действительности, институт медиации создан как способ снятия нагрузки с судов, но опять же своим существованием не предполагает полной невозможности достижения конструктивного решения двумя сторонами в рамках судебного разбирательства. Уолтер Липпман, занимавшийся исследованием феномена стереотипа, выделил его функциональные значения, помогающие носителям создать определенную систематизацию информации о мире. Столкновение же с фактами, противоречащими этому, вызывают когнитивный диссонанс. Дискурсивная компетентность – это часть личности общающегося, поскольку дискурс, критически вовлекая индивида, воздействует на когнитивную составляющую его сознания.

В действительности же мы можем предположить, что истинная дискурсивная компетентность возникает, когда человек начинает ориентироваться не на абстрактные, сформированные, навязанный когнитивные составляющие дискурса в своей голове (как, допустим, описывает их ван Дейк) [ван Дейк, 2009, с.48], не на представления об идеальном дискурсивном порядке, а на реальные институциональные состояния.

На уровне малых групп мы действительно можем отличить общение, принявшее серьезный, глубоко социальный, оборот от общения, которое обычно зовётся «разговором за жизнь». Чистая же форма общения – это форма коммуникации позволяющая привести всех к общему знаменателю, при этом черпающая темы из внешних сфер. Нет ничего такого в чистой форме общения, чего не было бы во внешней реальности. Институционализированность дает возможность чистой форме общения транслироваться и воспроизводиться из поколения в поколения, а также на уровне социальных слоев. Дискурс чистой формы общения, обладая, как мы выяснили вы по тексту, определенной критической составляющей, реализуется агентами в процессе артикуляции, вплетения (по аналогии с рыболовной сетью Лаклау и Муффа) новых понятий. Так и происходит развитие данного дискурса. Его особенность заключается в том, что понятия, вплетенные в него могут принадлежать к различным институциональным дискурсам, но при этом удерживаться вместе. Ведь в сущности, о чем только не говорят люди на досуге: о йоге, серийных убийцах или игре на гитаре. Все это может, и оно является частью какого-то другого институционального дискурса, но в дискурсе чистой формы общения, оно предстает в ином свете. Чистая форма общения соткана из обрывков подобных понятий. Институт же чистой формы общения позволяет активизировать институциональные механизмы артикуляции и циркуляции понятий в нём.

Мы не можем достичь абсолютной свободы общаясь, но мы можем договориться о том, как приблизиться к ней. Это способность можно описать по-разному. На помощь нам приходят метафора театра и модель дискурсивной компетентности. Но суть у них одна и та же. Если прибегнуть к трактовке Зиммеля, то мы можем сказать, что содержанием их является процесс обобществления.

Столкновение с нормами чистой формы общения ведет к «починке»

неисправностей в осуществляющейся системе взаимодействий. Если в систему вклиниваются фабрикация, общение перестает быть чистой формой. Нас всегда готовы вернуть в реальность наши соратники. Специалисты готовы указать молчаливым на то, что ты плетешь не ту сеть.

Хотелось бы завершить нашу работу словами Зиммеля: «Так что можно понять облегчающее и разрешающее воздействие многих этих из чистых форм существования воздвигнутых царств: в них мы хотя и отпускаемы жизнью, но живем. Созерцание моря внутренне освобождает нас, и не вопреки, а именно потому, что в нем — в набегании и отступании, в игре и преломлении волн — воспроизводится жизнь в простейшем выражении ее динамики, жизнь, чуждая переживаемой реальности, тяготам единичных судеб, глубочайший смысл которых кажется, тем не менее, каким-то образом вплетенным в эту простую картину...».

Список литературы:

- Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация / Спб.: 1999. 430 с.
- Байяр П.* Искусство рассуждать о книгах, которые вы не читали / Текст. М.:2012 г. 302 с.
- Барт Р.* Война языков [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 20 марта 2014]. Режим доступа <www.kremljakov.ru/library/002.rt>
- Барт Р.* Лекция [Электронный ресурс]. [Обращение к документу: 26 декабря 2013]. Режим доступа <http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Точ34617097>
- Батищев Г. С.* Особенности культуры глубинного общения //Диалектика общения. Гносеологические и мировоззренческие проблемы. М.: ИФ АН СССР, 1987.
- Батыгина Г., Подвойский Д.* История социологии. М.: Высшее образование и наука, 2007.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество / М.: Логос, 2005.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь / М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступит. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон, 2000.
- Дейк ван Т.А.* Дискурс и доминирование // Современный дискурс анализ 2009 Вып. 1. т. 1.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Докучаев П. П.* Введение в историю общения / Владивосток: Дальнаука, 2005. 342 с.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда// О разделении общественного труда; Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.
- Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998.
- Зиммель Г.* Женская культура / Философия культуры. М.: Юрист, 1996.
- Зиммель Г.* Как возможно общество // Социологический журнал. 1992. № 2. С. 102-114.
- Зиммель Г.* Общение. Пример чистой, или формальной социологии [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 13 октября 2014]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/05.php>

- Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений /М.: Политиздат, 1998.
- Кожемякин Е. А. Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // Современный дискурс-анализ. 2011 вып.3.
- Кожемякин Е.А. Дискурсный подход к изучению институциональной культуры / Е.А. Кожемякин. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
- Кравченко Е.И. Социология лицедейства. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Леонтьев А. А. Психология Общения [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 23 ноября 2013]. Режим доступа <http://www.law.vsu.ru/structure/criminalistics/books/leontyev_psy.pdf>.
- Майерс Д. Социальная психология. М., 1998.
- Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во международного ун-та бизнеса и управления, 1996.
- Парыгин Б.Д. Анатомия общения: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 1999. 301 с.
- Перлз Ф. Практика гештальттерапии / М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. 480 с.
- Резаев А. В. Парадигмы общения. Взгляд с позиций социальной философии. // СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993
- Ритцер Дж. Современные социологические теории // 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с: ил. (Серия «Мастера психологии»).
- Серль Дж. Что такое речевой акт? [Электронный ресурс]. [Дата обращения 28 апреля 2014]. Режим доступа < <http://www.philology.ru/linguistics1/searle-86.htm>>.
- Треугова Н. Социология общения: основания проблематизации [Электронный ресурс]. [Обращение к документу 23 ноября 2013]. Режим доступа < <http://comparsociology.com/archives/2803/>>/
- Филлипс Н. Что такое дискурс-анализ? // Н.Филлипс, С.Харди. Современный дискурс-анализ.2009. Вып.1 Т.1
- Франкл В. Человек в поисках смысла / Общ. Ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьев; вст. ст. Д. А. Леонтьев. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Фромм Э. Здоровое общество / Э. Фромм. М: АСТ: Транзиткнига, 2005.
- Фуко М. Археология знания / СПб: Гуманитарная Академия, 2004. 280 с.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с. («Слово о сущем»).
- Хьелл Л. Зиглер Д. Теории личности / 2-е изд., испр. СПб. и др. : ПИТЕР, 1997. 606 с. ; 24 см. (Мастера психологии).
- Шостром Э. Человек – манипулятор / М.: Апрель-Пресс, 2008. 192 с. 4000 экз.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 129-137.

Евгений Максимович Москвин – магистрант 1-го года обучения по направлению подготовки «Социология», Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск.

ТАТЬЯНА КРАСИКОВА

tkrasikova@inbox.ru

ВЕРБАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ СОБЫТИЙ В МЕДИАТЕКСТАХ

В современных теориях массовой коммуникации все большую популярность набирает концепция конструирования реальности массмедиа, порожденная таким философским направлением как конструкционизм.

В это связи, объясняя особенности функционирования СМИ, как правило, исходят из понимания различий между социальной реальностью и медиареальностью. Если социальная реальность является объективной данностью для социальных субъектов в аспекте именно интересубъективных связей, то медиареальность является результатом превращения представлений медийного сообщества о социальной реальности в устойчивые и повторяющиеся репрезентации социального мира, которые в конечном итоге воспринимаются аудиторией как точное отражение действительности.

Важно отметить, что под конструированием событий понимается не «материальное производство» фактов реальности, открытая ложь или попытки манипулировать сознанием с помощью неких технологий. Конструирование массмедийной реальности означает, что СМИ они имеют по-особому представляют реальность своей аудитории. Таким образом, речь идет скорее об определенном ракурсе интерпретации происходящего.

События, о которых сообщают в медиатекстах, являются *конструктами*, то есть производимыми в профессиональном медийном сообществе идеальными объектами, репрезентирующими всё множество достаточно разрозненных фактов, имеющих отношение к некоторой категории (например, «политическое событие», «культурное событие», «спортивное событие»), и существующими в силу того, что представители этого сообщества готовы действовать так, как будто эти объекты существуют в действительности.

Подчеркнем, что СМИ сообщают в медиатекстах о происходящем, руководствуясь категорией «социально значимое событие». Поскольку массмедиа всегда отталкиваются от повестки дня – от того, что актуально, злободневно, вызывает общественный интерес.

Каким образом происходит конструирование социально значимого события в медиатексте на вербальном уровне? Отметим, что здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на подачу и *обозначение информационного повода*, то есть, способы определения на лексическом уровне места события в общей информационной картине и вербальные средства выделения события из общего фактуального ряда. Кроме того, рассматривать важно и *репрезентацию социальных акторов*. У любого медиасобытия всегда есть действующее лицо. Их наличие и, своего рода, показатель качественной работы журналиста и

своеобразная неизбежность, поскольку не бывает события, которое не имело бы акторов. Все, что происходит, имеет, фигурально выражаясь, «автора» или «творца». При этом их статус, роль, действия всегда придают событию определенное положение в ряду других социальных практик. В контексте журналистской коммуникации это место, как правило, определяется понятием «значимость».

Рассмотрим примеры конструирования социально значимых событий на примере текстов новостных программ: «Время» «Первого канала» и «Здесь и сейчас» телеканала «Дождь». Обратимся к самым распространенным и общим для них типам событий: «Происшествия», «Конфликт», «События из жизни знаменитостей», «Работа власти».

«События-происшествия»

Это один из самых часто встречающихся типов событий в изученном материале. Новостью в данном случае становятся чрезвычайные ситуации, разного рода преступления, факты их расследования, а также результаты спецопераций.

Как в этом случае журналист «Первого канала» подает подобные **информационные поводы**, каким образом они приобретают качество «значимости»?

Итак, в первую очередь важность событию придает обращение к беспрецедентности. Корреспондент обозначает информационный повод исходя из фактов исключительных, вопиющих по своей жестокости. Репортер как бы рисует страшную картину, в которой мир спокойный и в чем-то идеальный разрушается внезапными, непредсказуемыми обстоятельствами или действиями отрицательных акторов. В качестве примера можно привести следующие цитаты: «*В результате страшной аварии погибли дети-сироты, воспитатель детского дома и ее супруг*» («Первый канал», «Время», 10.01.2013), «*Мужчина открыл стрельбу из огнестрельного оружия по людям, собравшимся посмотреть на новогодний салют*» («Первый канал», «Время», 1.01.2013).

Особую роль играет и указание на последствия. Как правило, их можно охарактеризовать как тяжкие, повлекшие за собой смерть или страдания: «за день – шесть пострадавших», «погибли два человека, еще трое получили ранения».

Интересны и другие способы обозначения информационного повода, которые журналист использует для репрезентации его значимости.

- Использование лексики, усиливающей эмоциональный эффект восприятия события, - то, что вызывает сочувствие, переживание, страх: «*иномарка протаранила машину*», «*в крайне тяжелом состоянии*», «*скончался на месте*», «*сбил насмерть*», «*серьезные травмы*». В этом случае большую роль играет прямая оценка журналистом факта, о котором он ведет речь, выраженная оценочной лексикой: «*крупное ДТП*», «*страшная авария*», «*тревожная ситуация*», «*смертельный аттракцион*», «*опасный эксперимент*». Также важность описываемого события подчеркивается более обобщенными оценками, в числе которых и стандарты новостного дискурса: «*вызвало огромный общественный*

резонанс», «поражает хладнокровие организаторов», «это были самые страшные минуты его жизни», «это самое крупное ограбление в России по подобной схеме за последние годы», «потрясшее всю страну».

- Номинация события. Лексемы, которые использует корреспондент, не могут не приковывать внимание аудитории. Их значимость принята социальными, культурными, правовыми особенностями любого общества. Сюда можно отнести следующие номинации: *«трагедия», «авария», «катастрофа», «факт», «взрыв», «покушение».*

- Важно и обозначение пространства, где произошло событие: *«в Москве», «в Волгоградской области», «в Новокузнецке», «в Тольятти»* и т.д. Упомянуты чаще всего российские города, что, бесспорно, вызывает интерес у российского зрителя.

Особое место в информационном пространстве новостных выпусков событию придает репрезентация **социальных акторов**. Приведем основные ее способы:

- В первую очередь, значимость события определяет репрезентация тех, кого оно коснулось: *«жертвы», «пострадавшие», «погибшие», «раненые».* Особенно их количественное выражение: *«По данным агентства Интерфакс, в результате теракта погибли 82 человека, более 160 получили ранения»* («Первый канал», «Время», 15.01.2013), *«В Анастасьевском гарнизоне под Хабаровском – 170 заболевших солдат»* («Первый канал», «Время», 11.01.2013).

- Еще одна категория представлена через обобщение: *«туристы», «сограждане», «очевидцы».* К этой категории можно отнести тех, кто представляет собой часть общества, с которой многие зрители могут себя идентифицировать.

- Группа социальных акторов, которые в общественной структуре всегда рассматриваются как самые незащищенные и безобидные: женщины, дети, пенсионеры. Так, журналист сообщает: *«В одной из квартир погибли пожилая женщина и девочка»* («Первый канал», «Время», 8.01.2013).

- Важную роль играет репрезентация отрицательных персонажей. Здесь существует несколько способов. Во-первых, обозначение по роду деятельности (функционализация). Причем, акторы имеют те профессии, которые никоим образом не должны нести негативные действия: *«водитель», «пилот», «чиновник».* Во-вторых, отрицательные социальные акторы представлены через лексемы, которые уже несут отрицательные значения: *«злоумышленник», «террорист», «бандиты», «боевики».*

- Последняя группа социальных акторов – активные субъекты действия, те, кто борется с последствиями события или пытается минимизировать его трагичность: *«спецназовцы», «спасатели», «сотрудники МВД».* Репрезентированы, как правило, через обобщение.

Данный тип событий также достаточно часто появляется в выпусках программы «Здесь и сейчас» телеканала **«Дождь»**. Это сюжеты о криминальных инцидентах, чрезвычайных ситуациях, расследованиях, военных конфликтах.

Посмотрим на то, как с помощью репрезентации **информационного повода** эти события приобретают качество «значимости».

- Особую роль так же, как и для текстов «Первого канала», играет

номинация события. Лексика, которой журналист называет случившееся, в силу человеческой психологии не может не вызвать внимание аудитории. Как правило, это слова с негативной денотацией или коннотацией: «катастрофа», «гибель», «стрельба», «крушение», «контрнаступление», «военная операция», «коррупция», «убийство», «противостояние криминальных группировок», «разборки», «смерть», «пожар», «массовые беспорядки», «браконьерство», «трагедия», «провокация», «теракт».

- Лексика, которая только усиливает воздействие на аудиторию в сочетании с отрицательной номинацией: «незаконное удержание в плену», «надругались трое преступников», «жестокое изнасилование», «пытали и издевались», «угрозы расправой».

- Указание на то, что происшествие носит системный характер: «Изнасилования **стали серьезной проблемой** для Индии» («Дождь, «Здесь и сейчас», 7.01.2013) или «**Это не первый случай**, когда ему приходится отказаться от планов участвовать в оппозиционной деятельности: прошлым летом, когда он ехал на «Марш миллионов», неизвестные блокировали его машину и расстреляли ее из травматического оружия» («Дождь, «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

- Прямая оценка события журналистом: «самые **громкие** уголовные дела», «**резонансное** уголовное дело».

- Вопиющие по своей жестокости, циничности и непредсказуемости преступления, в основе которых беспрецедентный факт: «В Подмоскowie несколькими ударами ножом ранена активистка Людмила Гарифуллина ... ей 70 лет, и это уже не первое нападение на пожилую активистку за последние три месяца» («Дождь, «Здесь и сейчас», 24.01.2013) или «Накануне, в школе в американском городке Тафт, штат Калифорния, 16-летний подросток открыл стрельбу» («Дождь, «Здесь и сейчас», 11.01.2013). Нетипичное чрезвычайное происшествие или неоднозначное по своим причинам: «В Грузии выявили сеть тайных агентов-геев» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013), «Бразильский футболист получил реальный тюремный срок за расизм на футбольном поле» («Дождь, «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

- Подача информационного повода о каком-либо происшествии как о нечто привычном, что в сознании аудитории непременно вызывает возмущение и испуг: «нападения на выставки и театры стали уже обычным делом» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013).

- Начало подводки с интриги: «Следственный комитет займется своими же следователями» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013).

- Образное выражение или сравнение с чем-то ужасающим, что трудно представить в реальной жизни: «Эта история, как ее рассказывает 57-летний врач-нарколог Вячеслав Токаренко, скорее, **напоминает некий триллер**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 14.01.2013).

- Акцент на деталях, носящих устрашающий характер: «В деле Толстых есть такой эпизод: подсудимый выбивал показания у женщины, вставляя ей карандаши между пальцами рук» («Дождь, «Здесь и сейчас», 22.01.2013).

- Указание на реакцию социума: «поднялся резонанс в обществе», «акции протеста из-за гибели изнасилованной девушки не утихают».

- Подчеркивает важность и место, где произошло событие: «пригород индийской столицы», «в центре Тель-Авива», «Транссибирская магистраль», «в Баку», «в

Нижнем Новгороде».

Рассмотрим, каким образом журналистами телеканала «Дождь» репрезентированы **социальные акторы**.

- Особое место занимает представление тех, кто пострадал в тех или иных инцидентах. Репрезентация при помощи обобщения: «погибшие», «раненые», «жертвы террористов», «невольники», «заложники», «ЛГБТ-активисты», «фабы», «участники пикета», «моряки», «фигуранты Болотного дела», «русские националисты», «соотечественники». А также при помощи номинации и функционализации: «врач-нарколог Вячеслав Токаренко», «пожилая активистка Людмила Гарифуллина», «председатель исполкома Национально-демократической партии Владимир Тор».

- Социальные акторы, находящиеся в положении отрицательных персонажей. Здесь также в первом случае они репрезентированы с помощью обобщения: «исламисты», «мятежники», «боевики», «хулиганы», «преступники», «насилыники», «подсудимые», «подозреваемые», «неизвестные».

- Сообщение о количестве жертв и пострадавших: «...**тысячи граждан** – в том числе, из Парижа и Лондона – жалуются на тошноту и головную боль» («Дождь», «Здесь и сейчас», 23.01.2013) или «**При пожаре на Херсонской улице на юго-западе Москвы погибли десять человек, семеро пострадавших госпитализированы**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 26.01.2013).

Кроме того, используется номинация и функционализация, причем чаще всего с добавлением оценочной лексики: «скандальный российский предприниматель», «эмоциональный Сергей Полонский», «депутат Госдумы», «лидер крупнейшего преступного сообщества в стране», «влиятельный вор в законе», «коронованный царь преступного мира Дед Хасан», «старейший криминальный авторитет», «бывший топ-менеджер крупного российского банка».

- Отдельно считаем необходимым выделить тех социальных акторов, к которым нет однозначного отношения. С одной стороны, они выступают как виновники какого-либо инцидента и находятся под следствием, с другой стороны, в текстах телеканала «Дождь» они обозначены нейтрально посредством номинации и функционализации: *активист «Партии народной свободы» Сергей Кривов, вологодский оппозиционер Евгений Доможиров, Леонид Развозжаев, Сергей Удалцов, оппозиционер Илья Яшин*.

- Социальные акторы, к которым уже в обществе сформировано негативное отношение, притом, что используется вполне нейтральная функционализация: «*бывшие сотрудники отдела полиции «Дальний*».

«Событие-конфликт»

В основе данного типа события – противоречие между интересами разных социальных групп, отдельных личностей, институтов. Эти события отражают нарушения привычного течения частной или общественной жизни. Конфликты, на которые обращают внимание журналисты исследуемого нами материала, происходят между гражданами и какой-либо компанией, интересами государства и отдельной личности, простыми жителями провинциального города и местной властью. Часто журналист рассказывает о событиях-конфликтах, происходящих в других государствах.

Обозначая в этом случае **информационный повод**, корреспондент «Первого канала» обращает внимание на беспрецедентность события, прежде всего, через основное противоречие: *«Деньги, большей частью уже потраченные, ликвидаторам теперь приходится возвращать. Вот тут и начались странности. От кого-то потребовали вернуть вдвое больше, чем они получили на руки. Появилась информация: Алхасова, вроде бы, требовала за свои услуги пятьдесят процентов от компенсации. Сама она это категорически отрицает, более того, говорит: не она предлагала чернобыльцам судиться, а они – ей»* («Первый канал», «Время», 9.01.2013).

Также журналист, представляя данный тип события, использует:

- Прямую оценку основополагающего факта: *«наиболее громкое шпионское дело», «очередной громкий скандал», «нашумевшее дело».*

- Указание, в том числе и через стандарты новостного дискурса на то, что это событие действительно важно: *«новый поворот темы, актуальной для всех», «в Интернете бурно обсуждают поступок», «набирает обороты скандальная история», «в деле открылись новые обстоятельства», «вопрос, актуальный во всем мире».*

Репрезентация **социальных акторов**:

- Значимость представлена через количественное выражение акторов, которых затронуло событие: *«196 человек, многие с детьми», «сотни тысяч человек», «в шествици приняли участие более 20 тысяч человек».*

- Отрицательные социальные акторы делятся на две группы. Однако общее для них то, что они по роду своей деятельности не имеет права совершать негативные поступки. Представители первой группы репрезентированы через обобщение: *«Врачей университетской клиники Лейпцига уже прозвали торговцами правом на жизнь»* («Первый канал», «Время», 2.01.2013). Вторая группа представлена через номинации конкретных личностей, как правило, это известные личности: *«Анатолий Сердюков», «Аэнс Армстронг», «Евгения Васильева», «бывший министр обороны», «самый известный в мире велогонщик».* Есть и специальное обозначение: *«центральная фигура скандала».*

- Еще одну группу социальных акторов составляют «жертвы» конфликта. Чаще всего это обычные люди или группы, с которыми соотносит себя аудитория: *«пассажиры», «туристы», «чернобыльцы», «участники акции».*

Отметим, как на уровне репрезентации **информационного повода** в новостных выпусках телеканала «Дождь» подчеркивается значимость события.

- Номинация конфликта лексемами, которые несут в себе негативный окрас и вызывают ассоциации с противостоянием интересов двух сторон: *«протестная акция», «манифестация», «спор», «скандал», «протест», «жалоба».*

- Характеристика предмета конфликта в негативных красках: *«...18 корпус, самый невезучий из всех построек в элитном, но недостроенном комплексе»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 8.01.2013). Частная номинация и устойчивые названия, причем предмет конфликта известен широкой публике уже продолжительное время, у аудитории уже сформировано к нему определенное отношение: *«антисиротский закон», «антимагнитский закон», «дело «Оборонсервиса», «беспорядки на Болотной 6 мая».*

- Новый поворот в уже известной конфликтной ситуации: *«теперь появились, по-видимому, новые факты в деле», «какие именно обстоятельства открылись не*

уточняют», «новые детали появились в скандальной истории», «набирает обороты скандал».

- Оценка конфликтной ситуации: «история становится все **запутаннее**», «**странности** в представлении свидетелей», «это было **центральное** событие в городе», «самый **громкий** за последние 40 лет судебный процесс», «о **неожиданном** противостоянии».

- Субъективные умозаключения журналиста, подчеркивающие масштаб участников конфликта: «Исаев тем самым вступил в заочный спор с десятком деятелей культуры, которые высказались против закона» («Дождь», «Здесь и сейчас», 11.01.2013).

- В основе конфликтного события злободневные проблемы социума: «Люди на улицах требуют у правительства защищать женщин, снизить уровень уличной преступности и ужесточить наказание для насильников вплоть до смертной казни» («Дождь», «Здесь и сейчас», 2.01.2013).

- Систематичность конфликтов: «Интриги и скандалы в театральном мире – не новость. Но вокруг Большого за последние годы их было слишком много» («Дождь», «Здесь и сейчас», 18.01.2013).

- Подача информационного повода с интриги: «В городе Березники Пермского края небывалое оживление» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013).

- Ссылка на общественное мнение, которое выступает здесь не участником конфликта, а третьей, нейтральной стороной: «жители возмущены», «против... выступили уже многие общественные деятели», «За дворника-гастарбайтера, который сломал челюсть московскому школьнику, вступились правозащитники и жители района, где дворник убирал улицы» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

- Конфликт между личностями или социальными группами влечет последствия для всех, прежде всего, нормативные изменения в жизни общества. К примеру, как после конфликта между журналистом Владимиром Познером и депутатами Госдумы: «...в Кремле якобы отказались от проекта «Закон Познера», который запрещает журналистам с иностранным или двойным гражданством работать на федеральных каналах» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

- Указание на то, что конфликт произошел недавно, что подчеркивает актуальность новости: «Скандал вокруг 14-летнего Максима Каргапольцева разгорелся вчера» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

Социальные акторы репрезентированы следующим образом.

- Посредством указания на масштаб события через обозначение количества его участников: «Более двух тысяч индийских адвокатов отказались защищать мужчин, которых обвиняют в групповом изнасиловании студентки» («Дождь», «Здесь и сейчас», 2.01.2013), «На Марсовом поле собралось около 1000 человек» («Дождь», «Здесь и сейчас», 13.01.2013).

- Социальные акторы, которые, неявно, но признаны справедливой стороной конфликта, те, кто прав. Часто выражены через обобщение: «таксисты», «дольщики», «несостоявшиеся жильцы», «недовольные», «активисты «Архнадзора», «жители Карелии», «сотрудники музея», «российские дети», «организаторы марша», «экологи». Представлены они также и посредством обозначения имени и рода деятельности: фигурант Болотного дела Сергей Кривов, оппозиционер Алексей Навальный, челябинский сирота Максим Карагапольцев, участница панк-группы Pussy Riot

Екатерина Самуцевич.

- Негативные социальные акторы представлены подобным образом – через обобщение, номинацию и функционализацию: «*мэрия Москвы*», «*чиновники*», «*депутаты*», «*полицейские*», «*местные власти*», «*городская администрация*», *бывший губернатор Карелии Андрей Нелидов*, депутат от «Единой России» Андрей Писев. Как видно из примеров, здесь статусы и профессия не предполагают негативной деятельности, однако по утверждениям журналистов именно их носители являются виновниками конфликтных ситуаций. Такие обстоятельства не могут не привлечь внимание аудитории, как наиболее значимые.

Немаловажную роль играет и характеристика социальных акторов, как правило, неоднозначная: «его сторонники известны еще и громкими скандальными акциями» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013).

События из жизни известных людей

В этом случае всегда в центре внимания – личность. Информационным поводом для СМИ становятся события из жизни известной персоны. Интерес в этом случае представляют сразу несколько категорий публичных людей.

Во-первых, так называемые, «любимцы публики», те, кого действительно любит аудитория – актеры, спортсмены, музыканты и т.д.

Во-вторых, наоборот, те, кто к кому общество относится негативно или нейтрально. Примечательно, что СМИ транслируют только те действия этих персон, которые носят аморальный или противозаконный характер. Внимание массмедиа они привлекают как «нарушители» образцового поведения, а не представители своей профессии.

В-третьих, СМИ интересуют события из жизни политиков и чиновников. Они не случайно выделены в отдельную категорию. Так как их социальная роль несколько иная. Ожидания публики относительно этих персон связаны в основном с родом их деятельности. Принято, что о событиях из их частной жизни говорить не совсем этично, поскольку для общества они важны, прежде всего, как профессионалы, качественно справляющиеся со своими прямыми обязанностями. Но аудитория всегда хочет большего, а потому, когда приоткрывается завеса тайны частной жизни – это вызывает интерес. Есть еще и другая сторона. Политики и чиновники тоже могут выступать в качестве «нарушителей». Что, разумеется, тоже вызывает интерес у аудитории. И это снова связано с ожиданиями общества. Поскольку обычно известные люди воспринимаются как те, на кого возложена миссия быть, своего рода, образчиками для социума в поведении. В самых разных явлениях общественного самосознания – патриотизме, долге, чести, достоинстве и т.д. И когда эта личность совершает какой-либо противоправный поступок, разрушая все ожидания общества, она не может оставаться в информационной тени.

Рассмотрим, как в этом типе событий отразились способы конструирования социально значимых событий посредством репрезентации ***информационного повода*** в медиатекстах «Первого канала».

Как правило, предметом внимания массмедиа становятся те информационные поводы, которые в принципе имеют особую значимость и

интерес в общечеловеческой культуре: юбилей, свадьба, рождение ребенка, личные достижения, состояние здоровья, нарушение закона. Последнее становится более интересным, если оно связано со знаменитостью, персоной, которая, согласно общекультурным стереотипам, должна своим поведением представлять некий общественный идеал.

- В основе информационного повода может быть отсылка на ранее произошедшее событие, вызвавшее большой общественный резонанс. К примеру, дело «Оборонсервиса», действия участниц группы «Pussy Riot».

- Автор текста часто обозначает место новости в информационной картине. Здесь используются журналистские штампы, представляющие событие в глазах аудитории масштабнее: *«самой обсуждаемой новостью стало...»*, *«в центре внимания»*, *«... снова заставил говорить о себе»*.

Сама природа события на первый план из способов конструирования выдвигает **социальных акторов**. Специфика их репрезентации автором в тексте на вербальном уровне подчеркивает уровень новости. Статус, должность, место актора в социальной структуре способны «добавить» значимости в описываемое журналистом событие.

На вербальном уровне это проявляется в:

- Использовании эмоционально-окрашенной лексики, с помощью которой журналист представляет своего героя. Приведем примеры: *«известный журналист и политолог»*, *«известный интернет-блогер»*, *«выдающийся российский музыкант»*, *«виртуозный альтист»*, *«серьезный классический музыкант»*, *«самый влиятельный политик в Соединенных Штатах»*.

- Использовании приема функционализации, когда журналист называет героя по роду его деятельности, при этом значение используемой лексики отсылает нас к пониманию роли этой персоны, как высокой и общественно важной: *«президент»*, *«глава государства»*, *«олимпийский чемпион»*, *«создатель «Звездных войн»*, *«глава ФИФА»*, *«верховный главнокомандующий»*.

- Применении устойчивых лексем и лексических соединений, которые указывают стереотипные представления социума о заметных персонах: *«лидер»*, *«звезда»*, *«покоритель сердец»*, *«секс-символ поколений»*, *«королева рок-н-ролла»*.

- В событиях, имеющих в основе негативные действия главных акторов, их репрезентацию можно охарактеризовать как нейтральную и сдержанную. Чаще всего это номинация или довольно однобокая функционализация: *«Сильвио Берлускони»*, *«Сергей Полонский»*, *«политик»*, *«бизнесмен»*. В этом случае оценочная лексика не используется, так как она дала бы неуместную для общественно-политического выпуска новостей иронию.

- Также применяется функционализация, вербальное выражение которой может быть применено исключительно к одной личности. Назовем ее частной. Как правило, связана она с конкретной ситуацией. К примеру, *«участница «Пусси Райот»*, *«фигурантка дела о масштабных хищениях»* (о Евгении Васильевой).

Кроме того, особый статус актора журналист репрезентирует в описании его достижений, профессиональных успехов и даже физических качеств: *«Сегодня, пересматривая фильмы с Челентано, мало удивляешься, как этот человек совсем не модельной внешности стал секс-символом для многих поколений: необыкновенная*

пластика, чувство юмора и обаяние» («Первый канал», «Время», 6.01.2013).

Отметим, как данный тип событий представлен в материалах телеканала «Дождь».

Сразу подчеркнем, что в этом случае в основе информационного повода не только события, связанные с чьей-либо персоной – этот тип значительно расширяется, прежде всего, за счет добавления событий, где на месте известной личности популярные бренды, компании, кинопремии, фестивали, фильмы.

Есть и еще одна особенность. В новостях первого канала знаменитость интересна односторонне – исключительно как личность. Ситуация с «Дождем» несколько иная. Здесь та или иная персона оказывается в центре внимания в процессе своего взаимодействия с обществом.

В данном случае интерес представляют несколько групп публичных людей и известных марок.

Во-первых, те, кого мы в предыдущем параграфе обозначили как «любимцев публики» - актеры, музыканты, режиссеры и т.д. Отличие в том, что в программе «Здесь и сейчас» они выставлены зачастую в отрицательном свете.

Во-вторых, те, кто уже имеет отрицательное отношение социума, совершив противозаконный или безнравственный поступок.

В-третьих, личности, которые можно назвать «жертвами режима» - те, кто в силу каких-либо причин преследуется властью или уже находится в заключении. При этом, по мнению журналистов телеканала, все обвинения этих персон в нарушении закона абсолютно несправедливы.

В-четвертых, предметом интерес становятся, как уже было отмечено, известные бренды, фильмы, компании.

Рассмотрим, как в данном типе событий были использованы средства конструирования социально значимых событий в репрезентации **информационного повода**.

- В основе информационного повода – обличающее событие на грани сенсационности. Когда некая личность совершает вопиющий по своему характеру поступок: *«В YouTube» появился второй фильм, разоблачающий российского премьера как предателя интересов России»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 30.01.2013).

- Указание на некую важную особенность, черту: *«Наверное, история была бы вполне традиционной, если бы не одна деталь», «пикантности это истории добавляет то...»*.

- Раскрывая информационный повод, журналист начинает с интриги, которая не просто привлекает внимание аудитории, но и подчеркивает важность события: *«Российская Федерация обрела нового гражданина»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 3.01.2013), *«Сергей Мавроди снял фильм ужасов, но не про МММ»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 22.01.2013).

- Прямая оценка личности, зачастую, подчеркивающая ее значимость в истории: *«Его путь оказался не менее загадочным и захватывающим, чем и вся жизнь»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 19.01.2013).

- Говоря о негативных событиях в жизни знаменитой персоны, журналисты обозначают и отрицательные их последствия: *«Теперь известному политику грозит до 10 лет тюрьмы»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 18.01.2013), *«о крахе*

самой удивительной спортивной карьеры в истории» («Дождь, «Здесь и сейчас», 18.01.2013).

- «Настраивает» зрителя на восприятие события как значимого и такой прием как «предварение». Журналист не сразу обозначает информационный повод, но в первой фразе тексте уже дает ему характеристику: «*Все-таки не все события из театральной сферы такие неприятные, как случаи с Сергеем Филиным и Кириллом Серебренниковым*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 18.01.2013).

- Возможные события в жизни известных людей, обладающие чертами исключительности и оставляющие много вопросов о причинах произошедшего: «*Никита Джигурда скоро станет французом*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 9.01.2013), «*Министр иностранных дел Сергей Лавров в шаге от клейма «иностранного агента*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 10.01.2013), «*Ольга Романова хочет пойти под суд ради троллинга*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 8.01.2013).

- Значимым информационным подом становится и нарушение закона, как в отношении известной личности, так и ею самой, а также частная жизнь, никак не связанная с профессиональным долгом: «*Сегодня в интернете появился фотоотчет о том, как проводит каникулы вице-премьер Владислав Сурков*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 17.01.2013).

- Важность информационного повода подчеркивается подачей основных фактов как противоречивых и странных: «*...там вместо губернатора – по данным «LifeNews» - оказался некий человек по фамилии Петросян, якобы бизнесмен*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 8.01.2013).

- Прямое указание на то, что кто-то вывал на себя интерес общественности: «*оказался в центре внимания*», «*журналисты действуют очень внимательно, отслеживая каждый его шаг*».

- Обновления, новинки в деятельности компаний, которые касаются самой широкой аудитории: «*Производители «яблочной» продукции вот-вот должны выпустить еще один новый iPhone. На этот раз – бюджетный вариант*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 9.01.2013).

- Оценка изменений в деятельности известного бренда: «*Для компании, которая провозглашает мировое господство частью своей стратегии, это серьезный шаг*» («Дождь, «Здесь и сейчас», 8.01.2013).

Социальные акторы.

- Оригинальная интерпретация или частная номинация: «*теперь уже нефранцузский актер*» (о Жераре Депардье), «*лоббист*» (о Сергее Лаврове), «*завоеватели*» (о компании «МакДональдс»), «*последний беспартийный губернатор*» (о Никите Белых), «*больной раком президент*» (об Уго Чавесе), «*фигурантка уголовного дела по событиям на Болотной площади 6 мая Мария Баронова*».

- Указание на вес в обществе: «*гигант мирового фаст-фуда*».

- Привлечь внимание аудитории помогает и прием иронии в обозначении личности человека: «*известный мордовский актер Жерар Депардье*».

- Номинация по имени персоны, группы или названию компании/бренда: *Юрий Башмет, Игорь Холманских, Барак Обама, PussyRiot, Apple, iPhone, Voing, «Аэрофлот*». Эти люди и организации не нуждаются в каком-либо особом представлении. Их имена привлекают внимание благодаря их

известности.

- Вместе с тем встречается и номинация, совмещенная с функционализацией. Таким образом, еще больше подчеркивается особый статус личности или же журналисты напоминают так аудитории, чем знаменит их герой: *миллиардер и лидер партии «Гражданская платформа» Михаил Прохоров, королева Нидерландов Беатрикс, депутат и боксер Николай Валуев, основатель финансовой пирамиды Сергей Мавроди, активистка «Другой России» Таисия Осипова, правозащитник и автор хита «Давай, до свидания!» Гилал Мамедов, экс-судья Валерий Сас.*

- Достаточно редко встречается оценочная номинация: *«выдающаяся кинопремия «Золотая малина», «пятый по размерам кассовых сборов фильм 2012 года», «мировая премьера», скандально известный бизнесмен Сергей Полонский, известный политик Алексей Навальный.*

События, рассказывающие о работе власти

В этом случае информационным поводом становятся действия власти. А все, что делает власть, значимо априори. Таковы метальные особенности восприятия мира россиян.

В центре **информационного повода** текстов журналистов **«Первого канала»** – действие власти, оно и моделирует событие. В тексте смысловое ударение ставится на конкретный акт, выраженный активным глаголом, вокруг которого и строится информационный повод: посетил, прибыл, поручил, назначил, провел совещание, потребовал доложить, взял под личный контроль, поддержал, обозначил приоритеты, проверил. Именно на этом строится значимость такого рода событий.

Получается, что чаще всего речь о том, что сделано должностным лицом, а не о том предмете, на которое он обратил свое внимание. К примеру, *«Президент вместе с губернатором Краснодарского края Александром Ткачевым осмотрел трассы на высоте в километр»* («Первый канал», «Время», 3.01.2013). В тексте об этой новости нет объяснения, зачем там побывал глава государства, ничего не говорится о самих трассах, только о том, что делал президент: *«осмотрел», «пообщался», «поинтересовался», «задал вопросы».*

Другой пример: *«Сегодня на совещании в Сочи Дмитрий Медведев назвал рекордным число мероприятий, которые пройдут в Сочи перед Олимпиадой».* В этом случае первую фразу подводки уместнее начать сразу с количества: *«Рекордное число мероприятий пройдут в Сочи перед Олимпиадой».* А потом уже упомянуть имя премьер-министра. Однако именно такие «перевернутые» информационные поводы чаще всего встречаются в этой категории событий.

На первом плане именно конкретный **социальный актор**, привлекающий внимание и делающий своим статусом событие значимым. Это обусловлено политической системой практически любой страны, где руководству отводится главная роль.

В текстах СМИ они репрезентированы с помощью номинации и функционализации. Итак, в число основных социальных акторов исследованного нами материала входит: *Президент, Владимир Путин, Предстоятель Русской Православной Церкви, Патриарх Кирилл, мэр, Сергей Собянин,*

Дмитрий Медведев, глава правительства.

В случае с телеканалом «Дождь» **информационным поводом** становятся действия властей – визиты, заявления, комментарии, проверки, ротации, отставки.

- Включение элементов разговорного дискурса, нетипичные ремарки, нестандартные речевые обороты для новостного медиадискурса: «*Бывшему министру культуры Александру Авдееву нашли работу и снова **близко к престолу***» («Дождь», «Здесь и сейчас», 14.01.2013), «*премьер-министр Дмитрий Медведев **поставил на место** – или, во всяком случае, попытался – анонимных кремлевских политологов*» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013), «*Госдума **не то, чтобы впечатлилась**, но в начале следующей недели депутаты действительно будут рассматривать материалы о собранных подписях...*» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013).

- Прямая оценка: «*один из **главных** этапов работы*», «*начал трудовую деятельность с **угрожающего** заявления*».

- Избирательность. В традиционных мероприятиях журналисты «переворачивают» информационный повод, акцентируя внимание на острых проблемах или других актуальных событиях. Так, в выпуске программы «Здесь и сейчас» от 7 января 2013 года после основного события – Рождественской службы, авторы сообщают о реакции патриарха Кирилла на «антимагнитский» закон. Используя при этом свой домысел: «***Очевидно, отвечая на резкую реакцию** в обществе на так называемый «антимагнитский» закон, патриарх Кирилл в своем обращении заговорил о христианской добродетели усыновления сирот*». («Дождь», «Здесь и сейчас», 7.01.2013). Однако, на самом деле, в речи патриарха об этом законе не упоминалось. Отметим, также, что подобное явление в конструировании социально значимого события, определенное нами как «избирательность» граничит с понятием манипулирования.

- Выдвижение вместе с официальной версией случившегося неофициальной: «*Депутат Александр Сидякин снят с должности координатора Общероссийского народного фронта по Приволжскому федеральному округу, официальная версия – в рамках плановой ротации... **Неофициальная версия заключается в том, что Сидякина наказывают за неожиданное упрямство***» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013).

- Часто использование лексемы «все-таки» в подаче информационного повода: «*Глава Дагестана Магомедсалам Магомедов **все-таки ушел***» («Дождь», «Здесь и сейчас», 28.01.2013).

- Действия властей, которые преопределили положительный исход дела для особой социальной группы: «*Больных детей с Крестовского острова перевозить не будут. **Власти отказались от первоначального проекта переместить онкологический центр и освободить бывшую номенклатурную 31-ю больницу для нужд судей верховного и арбитражного судов***» («Дождь», «Здесь и сейчас», 23.01.2013).

Социальные акторы репрезентированы следующим образом.

- Через номинацию и функционализацию: лидер «Справедливой России» Сергей Миронов, исполняющий обязанности главы Подмосковья Андрей Воробьев, госсек США Хиллари Клинтон, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, вице-премьер Аркадий

Дворкович, спикер Госдумы Сергей Нарышкин.

- Посредством обобщения: «депутаты», «дипломаты», «власти», «граждане», «активисты из «Новой газеты».

Стоит отметить, что для двух значительно отличающихся друг от друга по своей концепции и задачам СМИ, выявленная специфика конструирования во многом имеет общие черты. Прежде всего, журналисты обоих СМИ при определении новости как значимой обращают внимание на беспрецедентность, противоречивую основу новости, географический масштаб, количество участников, их положение и роль в обществе. Различия заключаются лишь в содержательном наполнении. К примеру, чаще всего телеканал «Дождь» в репрезентации социальных акторов или информационного повода обращается к негативным личностям и явлениям, в то время как «Первый канал» представляет немало положительных событий и персон.

В целом, важно отметить, что механизм конструирования реальности – многоуровневый процесс, который проявляется не только на вербальном, но и на визуальном уровне. Зависит он как от специфики работы журналистов, положения того или иного СМИ в общей системе, так и особенностей взаимодействия редакций с другими институтами.

Татьяна Романовна Красикова – аспирант 1-го года обучения по направлению подготовки «СМИ и информационно-библиотечное дело», Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород.